

О.П. КОПЫЛОВА, А.В. КУРСАЕВ

ПРИНЦИП ЯЗЫКА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТГТУ

ББК 67.410.20
К659

Рецензент

Кандидат юридических наук, доцент кафедры Уголовного права и
процесса Института права ТГУ им. Г.Р. Державина

А.М. Попов

Копылова, О.П.

К659 Принцип языка в российском уголовном судопроизводстве : учебное пособие / О.П. Копылова, А.В. Курсаев. – Тамбов :
Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 76 с. – 130 экз. – ISBN 978-5-8265-0621-9.

Освящаются как теоретические проблемы языка уголовного судопроизводства, так и практические навыки и рекомендации по его применению и реализации.

Предназначено для студентов, аспирантов юридических вузов, а также для практических работников: следователей, дознавателей, судей.

ББК 67.410.20

ISBN 978-5-8265-0621-9   © ГОУ ВПО «Тамбовский государственный
технический университет» (ТГТУ), 2007
Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО "Тамбовский государственный технический университет"

О.П. КОПЫЛОВА, А.В. КУРСАЕВ

**ПРИНЦИП ЯЗЫКА
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Учебное пособие

Тамбов
♦ Издательство ТГТУ ♦
2007

Учебное издание

КОПЫЛОВА Ольга Петровна,
КУРСАЕВ Александр Викторович

ПРИНЦИП ЯЗЫКА

В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Учебное пособие

Компьютерное макетирование М.А. Ф и л а т о в о й
Редактор О.М. Я р ц е в а

Подписано в печать 20.09.07.
Формат 60 × 84 / 16. 4,42 усл. печ. л. Тираж 130 экз. Заказ № 585

Издательско-полиграфический центр
Тамбовского государственного технического университета
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

ВВЕДЕНИЕ

Последнее десятилетие XX – начало XXI вв. характеризуются постоянным ростом количества иностранных граждан, прибывающих в нашу страну из государств дальнего и ближнего зарубежья. Если в 1995 г. количество иностранцев дальнего зарубежья составляло 5,3 млн. человек, то в 2000 г. – 7,4 млн. человек. Общее число иностранцев из дальнего и ближнего зарубежья, прибывших на территорию Российской Федерации, составило соответственно 10,2 млн. человек в 1995 г. и 21,2 млн. человек в 2000 г. Этот процесс обусловлен рядом факторов: расширением политического, экономического, научного и культурного сотрудничества и обмена; открытием в Российской Федерации совместных предприятий и иностранных фирм; участием зарубежного капитала в развитии российской экономики, активными миграционными процессами и, прежде всего, прибытием в Российскую Федерацию значительного числа граждан стран СНГ. Все это объективно способствует увеличению числа иностранцев, вовлекаемых в различные сферы российского права, в том числе и в сферу российского уголовного процесса. Судебно-следственная практика свидетельствует, что иностранные граждане, находясь в Российской Федерации и участвуя в российском уголовном процессе, могут выполнять различные процессуальные функции – выступать в качестве свидетелей, потерпевших, а также подозреваемых, обвиняемых и подсудимых.

Рост числа иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывших в нашу страну, сопровождается увеличением совершенных ими на территории России противоправных деяний. Анализ статистических данных, характеризующих преступность иностранных граждан и лиц без гражданства в период с 1991 по 2003 г., свидетельствует об устойчивой тенденции роста количества преступлений, совершаемых вышеназванной категорией лиц (табл. 1). Сокращение количества зарегистрированных преступлений в 1997 и 2002 гг. вызвано адаптационным периодом в связи с принятием новых УК РФ и УПК РФ.

**1. Динамика роста преступлений, совершаемых в России
иностранцами гражданами и лицами без гражданства (1991 – 2003 гг.)**

Год	Всего	Год	Всего
1991	308	1999	32 286
1992	2567	2000	35 120
1993	17 302	2001	37 166
1994	21 107	2002	35 712
1995	32 285	2003	40 570
1996	37 065	2004	48 927
1997	27 953	2005	51 200
1998	31 000		

Доля преступлений иностранных граждан и лиц без гражданства в общей структуре преступности в стране в 1991 – 1995 гг. не превышала 0,6 %, а в 1997 – 2003 гг. данный показатель вырос в три раза и составил 1,8 %. В 1981 г. иностранные граждане составили среди установленных преступников 0,00017 % (153 человека), а в 1991 г. – 0,0003 % (308 человек). И это далеко не предел. Исследования показали, что к 2018 г. доля преступлений иностранных граждан и лиц без гражданства, постепенно возрастая, достигнет своего пика и может составить 9 % от общего числа всех зарегистрированных на территории страны преступлений. В Австрии данный показатель уже составляет 18,4 %, в Германии – 26,7 %, в Швейцарии – 37,9 %, в Люксембурге – 43,4 %.

Следует учесть также высокий уровень латентности данной группы преступлений, который в 1,7 раза превышает средние показатели латентности общероссийской преступности. Это обусловлено тем, что отношения в сфере криминальной активности иностранцев часто регулируются в рамках этнических субкультур, функционирование которых отличается замкнутостью, корпоративностью и рядом других факторов. Нужно отметить, что это средний показатель по России, а в ряде регионов он значительно выше. Так, в Тамбовской области рост рассматриваемых преступлений составил в 2003 г. 38,9 %. Несмотря на относительно невысокий удельный вес рассматриваемых преступлений в общем числе совершенных преступлений в России, их динамика и интенсивность начинают носить все более угрожающий характер, повышается их общественная опасность.

В 2005 г. около 46,6 тыс. преступлений, совершаемых иностранцами гражданами и лицами без гражданства в Российской Федерации, пришлось на жителей стран СНГ. В процентном отношении к общему числу преступлений, совершаемых иностранцами гражданами и лицами без гражданства, данный показатель составил 90,9 %. В течение последних пяти лет наибольшее количество таких преступлений совершается гражданами Грузии, Армении, Азербайджана, Украины, Молдовы.

Кроме того, на территории Российской Федерации проживают около 156 народностей, которые в совокупности составляют около 29 млн. человек (20 % населения нашей страны). В быту многие представители местных народностей (особенно на территории Северного Кавказа и в регионах Крайнего Севера) по-прежнему изъясняются на своем родном языке. Очень часто представители данных народностей уже отвыкли говорить на своем родном языке, а овладеть в совершенстве русским языком не смогли. В итоге – затруднения при общении и на русском, и на родном языке [27, с. 21]. Поэтому представляется естественным, что многие граждане Российской Федерации, а тем более иностранцы или вообще не владеют языком уголовного судопроизводства, принятым на территории Российской Федерации, или владеют им не в полной мере.

Вследствие вышеуказанных причин органы дознания и предварительного следствия, расследуя уголовные дела с участием лиц, не владеющих языком уголовного судопроизводства, встречаются с рядом дополнительных правовых, процессуальных, криминалистических, организационных проблем и трудностей, которые обуславливают актуальность данной темы.

Поэтому авторы и поставили своей основной целью раскрыть содержание принципа языка уголовного судопроизводства (ст. 18 УПК РФ), который способствует укреплению законности в деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда при расследовании и рассмотрении уголовных дел с участием лиц, не владеющих языком уголовного судопроизводства, с целью установления объективной истины по делу, а также защиту прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения его прав и свобод. Большое внимание уделено также выработке и предложению конкретных практических рекомендаций в сфере расследования уголовных дел с участием лиц, не владеющих языком уголовного судопроизводства. Изучение уголовно-процессуальных и тактических особенностей расследования данной категории дел основывается также на примерах из судебно-следственной практики, опубликованной в Бюллетене Верховного Суда РФ (СССР, РСФСР).

Необходимо отметить, что все принципы уголовного процесса взаимосвязаны друг с другом и с общими условиями судебного разбирательства. Данная взаимосвязь, например, проявляется и в том, что без реализации начала пользования родным языком и выбора языка общения невозможно полное осуществление таких основополагающих для правосудия и уголовно-процессуального права принципов, как обеспечение права на защиту, гласность, устность судебного разбирательства, состязательность сторон и др. Поэтому принцип языка уголовного судопроизводства – это не просто набор чисто технических правил, не имеющих особого значения на практике. Принцип языка уголовного судопроизводства обеспечивает подлинный демократизм, состязательность российского уголовного процесса, способствует скорейшему установлению объективной истины и, таким образом, защищает права, свободы и законные интересы участников процесса не только со стороны защиты (подозреваемый, обвиняемый), но и со стороны обвинения (потерпевший).

Проблемы, связанные с принципом языка уголовного судопроизводства и механизмом его реализации, разрабатывались в трудах С.П. Щербы, А.И. Бастрыкина, О.И. Александровой, И.Л. Петрухина, Г.П. Саркисянца, Т.Н. Добровольской, В. Быкова, В. Кочеткова, В. Назарова и других авторов. Данной тематике были посвящены диссертационные исследования Н.А. Абдуллаева (1971), М.Т. Аширбековой (1984), М.А. Джафаркулиева (1972, 1990), Т.И. Стесновой (1993), Л.Л. Васильевой-Кордашевской (2002), С.П. Щербы (1990) и других, в которых исследованы общие вопросы реализации принципа языка уголовного судопроизводства на основе норм утратившего силу УПК РСФСР, и потому практические рекомендации, предложенные данными авторами, уже значительно устарели. В то же время теоретические наработки данных ученых вполне заслуживают самого пристального внимания.

Анализ судебно-следственной практики, опубликованной в Бюллетене Верховного Суда РФ (СССР, РСФСР), показывает, что следователи, дознаватели, прокуроры и суд допускают большое количество ошибок при реализации принципа языка уголовного судопроизводства. Сказывается и недостаток практического опыта у правоприменителей в данной сфере, и отсутствие необходимых методических пособий, которые они могли бы при необходимости использовать. Да и данная категория дел, несмотря на стабильный статистический рост, все еще остается значительной редкостью.

1. ПОНЯТИЕ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Конституция Российской Федерации 1993 г. в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права впервые в истории России (ст. 2) признала человека, его права и свободы высшей ценностью и установила, что соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства [1]. При этом гарантировано, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Одним из прав, закрепленных в конституции Российской Федерации, является право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Федеральный закон от 1 июля 2005 г. № 53-ФЗ "О государственном языке Российской Федерации", детализируя норму ч. 1 и 2 ст. 68 Конституции РФ, определяет в п. 1 ч. 1, что государственным языком РФ на всей ее территории является русский язык [10]. В то же время, согласно ст. 3 Закона РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 "О языках народов российской Федерации", республики вправе устанавливать в соответствии с Конституцией РФ свои государственные языки [5]. В местности компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами, наряду с русским языком и государственным языком республик, в официальных сферах общения может использоваться язык данной местности. При этом субъекты РФ вправе принимать законы и иные нормативные правовые акты о защите прав граждан на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества.

По словам известного дореволюционного процессуалиста Н.Н. Розина, вопрос о судебном языке имеет особое значение в государствах со смешанным населением, говорящим на разных наречиях. По его мнению, "теоретически мыслимы две системы: система местных наречий, – обуславливающая применение на суде того языка, на котором говорит местное население, и система единого государственного языка. Система местных наречий более отвечает задачам правосудия, которое только при этом условии становится доступным и понятным населению. Ее достоинства сказываются, в особенности, в судопроизводстве низших судебных установлений. Но она соединяется с практическими затруднениями, если состав населения отличается большой пестротой, – в распоряжении государства может не оказаться судей, владеющих всеми наречиями. С другой стороны, эта система может создавать затруднения при переходе дела в высшие судебные инстанции и возможность серьезных юридических ошибок при переводе текста судебных актов на государственный язык... Система единого государственного языка, обуславливающая применение во всех судах государства и во всех судебных актах одного языка, лишена названных недостатков и отличается большей простотой, неизменностью юридической терминологии и отсутствием трудностей при переходе дел из низших инстанций в высшие. Но она, в свою очередь, может повлечь нежелательное удаление суда от населения, т.е. не достигать практических целей судебной деятельности" [48, с. 91–92].

Каждая из этих систем имеет как свои плюсы, так и свои минусы. Поэтому законодатель выбрал промежуточный вариант: в качестве основного выступает русский язык, а в местах компактного проживания иных народностей – в республиках – наряду с русским языком допускается употребление и местного языка.

Государственный язык Российской Федерации подлежит использованию в деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, является официальным языком делопроизводства, судопроизводства и делопроизводства в судах и делопроизводства в правоохранительных органах [5; 10]. Основываясь на данных убеждениях, федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации" в ст. 10 уточнил вышеизложенные конституционные положения о национальном языке судопроизводства, указав, что судопроизводство (в том числе и уголовное судопроизводство) и делопроизводство в высших судах и военных судах ведется на русском языке – государственном языке РФ. Значит, во всех других судах общей юрисдикции, а также органах расследования республик, входящих в состав РФ, в соответствии с конституциями этих республик производство может вестись на государственном языке этих республик [19, с. 30].

Основываясь на вышеприведенных конституционных положениях, законодатель в ст. 18 УПК РФ формулирует принцип языка уголовного судопроизводства, согласно которому уголовное судопроизводство ведется на русском языке, а также на государственных языках входящих в РФ республик [46, с. 212]. Таким образом, принцип языка уголовного судопроизводства представляет собой конституционное выражение использования государственного языка РФ и государственных языков республик в качестве языка уголовного процесса [23, с. 8–9]. Данный принцип традиционно и на всем историческом протяжении развития уголовного процесса относят к его основным признакам, обеспечивающим достижение его основных целей [43, с. 45 – 56; 26, с. 33 – 40].

Необходимо отметить, что все республики в составе РФ закрепили в своих Конституциях или в специальном законе (Республика Башкортостан), что наравне с русским могут употребляться и местные языки, распространенные в данной республике. Так, согласно ст. 5 Конституции Республики Адыгея могут употребляться русский и адыгейский языки, ст. 10 Конституции Республики Дагестан – русский язык и языки народов Дагестана, ст. 76 Конституции Кабардино-Балкарской Республики – кабардинский, балкарский и русский языки, ст. 11 Карачаево-Черкесской Республики – абазинский, карачаевский, ногайский, русский и черкесский языки, ст. 13 Республики Мордовия – русский и мордовский (мокшанский, эрзянский) языки, ст. 13 Республики Алтай – алтайский и русский языки и т.д. Как видно, все республики установили у себя по два государственных языка, а некоторые и более. Соответственно органы предварительного следствия и дознания, а также суд вправе провести заседание на местном языке, что создает, с нашей точки зрения, значительные проблемы в осуществлении правосудия. Кроме того, участники судебного разбирательства вправе давать показания на родном языке или языке, которым они владеют, что приведет к тому, что в одном уголовном деле могут содержаться процессуальные документы, изложенные на разных языках, и в результате Верховному суду РФ в порядке кассационного или надзорного разбирательства дела будет весьма сложно разобраться в материалах уголовного дела. Да и многие юридические термины не имеют в государственных языках, принятых в Республиках, соответствующих слов-заменителей, которые бы адекватно отражали содержание юриди-

ческого понятия или законодательного термина. Следует также учесть то обстоятельство, что русское население традиционно доминирует во всех республиках в составе РФ, за исключением двух. Поэтому мы считаем необходимым перейти на моноязычие и в качестве единственного языка, на котором должно вестись правосудие, избрать русский язык. Можно возразить, что данное нововведение может нарушить права и свободы участников уголовного процесса. С нашей точки зрения, это не так, так как лицам, которые не владеют языком уголовного судопроизводства, должна быть предоставлена помощь переводчика и защитника. Поэтому в данном случае можно сослаться на ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, в которой сказано, что "осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать прав и законных интересов других лиц" [1].

Необходимо сразу разобраться в терминологии и определить, что понятие "язык" может употребляться в пяти значениях:

1) *государственный язык* – язык, на котором работают органы данного государства, учреждения, предприятия и организации, осуществляется судопроизводство, ведется обучение в школах, средних специальных и высших учебных заведениях и т.д.;

2) *язык межнационального общения* – понятие, употребляемое по отношению к языку, на котором общаются граждане различных национальностей, проживающие в данном государстве или в какой-то определенной местности. Часто языком межнационального общения является язык государственный или язык официальный. Однако может быть и так, что государственным (официальным) языком является один язык, а языком межнационального общения – другой. Например, согласно Конституции Республики Кыргызстан государственным языком является кыргызский язык (ст. 5). Однако в связи с многонациональным составом населения республики, конечно, на практике языком межнационального общения остается русский язык. В Конституции говорится, что Кыргызская Республика гарантирует сохранение, равноправное и свободное развитие и функционирование русского и всех других языков, которыми пользуется население республики;

3) *официальный язык* – используемое в некоторых случаях наименование языка, на котором работают государственные органы, осуществляется правосудие и т.д. Иначе говоря, под официальным языком подразумевается все то же самое, что в другом государстве связывается с государственным языком, однако использование последнего понятия считается нецелесообразным. Понятия "государственный язык" и "официальный язык" являются близкими, иногда полностью идентичными, но в то же время объем данных понятий в некоторых странах полностью не совпадает, хотя в большинстве государств (включая РФ) понятия "официальный язык" и "государственный язык" полностью совпадают. Лишь в отдельных странах различают статус официального языка и государственных языков – в этом случае закрепление вторых в конституции носит в основном символический характер (например, в Швейцарии, согласно Конституции, официальными языками являются немецкий, французский, итальянский, а государственными языками – немецкий, французский, итальянский и ретороманский, притом, что последний практически не используется в государственной и общественной жизни страны). Встречается и прямо противоположная ситуация. Официальным может считаться язык, применяемый наряду с государственным языком на территории государства. Например, в соответствии с Конституцией Казахстана 1995 г. государственным языком в республике является казахский язык. В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык (ст. 7);

4) *титульный язык* – язык этноса, по которому названо национально-государственное или национально-территориальное образование [20, с. 28];

5) *язык судопроизводства* – язык, на котором ведется производство гражданских, уголовных и иных дел в суде, а также на досудебных стадиях уголовного процесса.

Раскрытие понятия принципа языка уголовного судопроизводства должно способствовать уяснению самого понятия "принцип права". Одни ученые-юристы под принципами понимают некие абстрактные положения морально-этического плана, не имеющего реального нормативного выражения. Другие процессуалисты определяют принципы как основные положения, идеи, получившие свое отражение в законе независимо от приемов и форм их закрепления, а также положения, хотя и не получившие непосредственного выражения в законе, но вытекающие из ряда его норм [50, с. 18–19]. Второе мнение, с нашей точки зрения, является более предпочтительным. Исходя из этого, принцип права, в том числе и уголовно-процессуального, можно определить как основу создания и направленности всей системы соответствующей отрасли права, которые наиболее полно выражают содержание уголовно-процессуального законодательства, тесно связаны с государственной политикой в сфере уголовного судопроизводства, являются общими для всех стадий процесса и, выступая нормативными образованиями высшей юридической силы, оказывают охранительное и регулятивное воздействие по отношению ко всем уголовно-процессуальным нормам [50, с. 19–20]. Таким образом, принципы уголовного процесса – это основные идеи уголовно-процессуального права, определяющие социальную сущность и политическую направленность деятельности по расследованию и разрешению уголовных дел [36, с. 162].

Принципы уголовного процесса – это надежный и эффективный способ регулирования правоотношений в сфере уголовного судопроизводства и развития процессуальной формы. Обладая высокой степенью обобщения, опосредствуясь в других правилах, принципы синхронизируют всю систему процессуальных норм и придают глубокое единство механизму уголовно-процессуального воздействия. Но в то же время правовые принципы – довольно сложная научная и правовая категория, которой нужно уметь пользоваться [29, с. 92 – 98].

Отечественное уголовно-процессуальное законодательство РФ традиционно предусматривало нормы о языке уголовного судопроизводства. Дореволюционное уголовно-процессуальное законодательство исходило из того, что в качестве языка уголовного судопроизводства может выступать только русский язык. Совершенно по-иному данный вопрос решался в советском уголовном процессе. Так, УПК РСФСР 1922 г. в ст. 22 указывал, что "производство по уголовным делам ведется на русском языке или на языке большинства населения данной местности". В случаях, когда участники уголовного судопроизводства не владеют языком, на котором ведется производство по данному делу, суд обязан приглашать переводчиков и ставить заинтересованных лиц в известность о каждом производимом судом действии через переводчика. Документы, используемые в уголовном судопроизводстве, должны быть переведены на родной язык обвиняемого. В ст. 143 УПК РСФСР 1922 г. законодатель закрепил особую защиту лиц, страдающих физическими недостатками – "при допросе немого, глухого и ли-

ца, говорящего на языке, непонятном для следователя, приглашается переводчик или лицо, понимающее знаки немого и глухого; участие этих лиц в допросе отмечается в протоколе, который подписывается этими лицами" [12]. Дальнейшее развитие принципа языка уголовного судопроизводства происходит в УПК РСФСР 1960 г. Согласно ему, судопроизводство в судах велось на русском языке, а в автономных республиках, автономных областях или национальных округах соответственно – на языке автономной республики, автономной области или национального округа либо на языке большинства местного населения. Участвующим в деле лицам, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, обеспечивается право делать заявления, давать показания, выступать на суде и заявлять ходатайства на родном языке, а также пользоваться услугами переводчика в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР. Следственные и судебные документы, в соответствии с установленным порядком, вручаются обвиняемому в переводе на его родной язык или на другой язык, которым он владеет (ст. 17). Незнание подозреваемым или обвиняемым языка процесса влекло обязательное участие защитника (ст. 49). Впервые появилась статья, регламентирующая процессуальный статус переводчика (ст. 57). Устанавливались и другие проявления принципа языка в уголовном процессе (ст. 151, 269, 312, 318 УПК РСФСР 1960 г.) [13].

Законодатель развил положения о языке уголовного судопроизводства в УПК РФ 2001 г., закрепив его в качестве самостоятельного принципа уголовно-процессуального права (ст. 18). Нормы о языке уголовного судопроизводства закреплены в ст. 42, 44, 46, 47, 189, 263, 265 и т.д.

Принцип языка уголовного судопроизводства можно определить как совокупность общепризнанных международных, конституционных и уголовно-процессуальных предписаний и процедур, которые определяют порядок языкового общения участников уголовного процесса с судом и должностными лицами, ведущими производство по уголовному делу, а также механизмы защиты прав и законных интересов лиц, не владеющих или недостаточно владеющих языком уголовного судопроизводства.

С учетом этого положения можно сделать вывод о том, что структурными элементами содержания принципа языка уголовного судопроизводства в Российской Федерации являются:

1) обязательное ведение уголовного судопроизводства на русском языке либо на государственных языках республик, входящих в РФ;

2) обязательное разъяснение и обеспечение участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по делу, право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или на другом языке, которым они владеют;

3) обязательное обеспечение участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по делу, права бесплатно пользоваться переводчиком в порядке, установленном законом;

4) обязательное вручение подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства в переводе на родной язык или на язык, которым они владеют, следственных и судебных документов в соответствии с УПК РФ;

5) обязательный перевод приговора вслух на язык, которым владеет подсудимый, синхронно с провозглашением приговора или после его провозглашения в случае, если приговор изложен на языке, которым подсудимый не владеет (ч. 2 ст. 310 УПК РФ) [50, с. 23].

С точки зрения классификации принципов уголовного процесса язык уголовного судопроизводства является принципом конституционным (он непосредственно закреплен в Конституции РФ – ч. 2 ст. 26) [23, с. 8–9], судоустройственным (имеет значение не сам по себе, а исключительно как основа, начало судопроизводства) и общепроцессуальным (имеет значение и распространяет свое непосредственное действие на все без исключения стадии уголовного процесса) [37, с. 141 – 144].

В литературе отмечаются следующие критерии, при которых теоретические положения, закрепленные в нормах уголовно-процессуального права, не могут являться принципами уголовного процесса (негативные признаки принципа уголовного процесса) [42, с. 87]:

- имеют многочисленные исключения или сами являются исключениями из правил;
- действуют в отношении одного участника уголовного процесса и учитывают только его интересы (при многосубъектности отрасли права, каковой является уголовно-процессуальное право);
- опосредствуют реализацию одной функции при многофункциональности уголовно-процессуальной деятельности (защита, обвинение, разрешение дела);

- относятся к части явления, а не ко всему явлению (не могут быть поэтому принципы отдельных стадий уголовного процесса и, естественно, отдельных норм и структурных частей норм – гипотез, диспозиций, санкций; поскольку принципы представляют обобщенное, концентрированное выражение процессуальных идей, которые, конечно же, исходя из всеобщей связи явлений материального и идеального мира, отражаются как в отдельных стадиях уголовного процесса, так и в отдельных институтах, нормах уголовно-процессуального права. Не допустимо, логически и диалектически ошибочно отождествлять явление, лежащее в основе целого, с его преломлением и отражением в частях);

- реализуются в ходе уголовного судопроизводства не по каждому уголовному делу;
- двусмысленные положения.

Для принципа уголовного судопроизводства, как и для любого принципа уголовного процесса, характерны следующие признаки (позитивные признаки):

- 1) представляет собой *базовое*, начальное положение уголовного процесса, на котором покоится все остальное;
- 2) имеет *обязательное* для всех граждан и организаций требование в сфере борьбы с преступностью;
- 3) выступает в роли *сквозного* принципа, пронизывающего все институты и нормы уголовного процесса;
- 4) имеет *устойчивый* характер и не подвержен временным изменениям обстановки даже чрезвычайного характера (военное или чрезвычайное положение, взрывной рост преступности, массовые беспорядки и т.п.). Согласно ч. 3 ст. 56 Конституции РФ;

туции РФ принцип языка уголовного судопроизводства ни при каких обстоятельствах не может подлежать ограничению или умалению;

5) обязательно получает в той или иной форме юридическое выражение в *уголовно-процессуальном законе*. В противном случае он перестает быть собственно правовым. Последнее весьма важно, так как после закрепления в законе полностью меняется природа принципов, они становятся неотъемлемой составной частью правовой материи, поэтому подходить к этому нужно с большой осторожностью.

Принцип языка уголовного судопроизводства полностью соответствует как позитивным, так и негативным признакам принципа уголовного процесса, приведенным выше, а потому является самостоятельным принципом российского уголовного процесса.

Принцип языка уголовного судопроизводства представляет собой единство двух сторон – объективной и субъективной. Объективная сторона – это темпы познания, освоения и преобразования окружающей действительности человечеством, это пределы и темпы преобразования материального мира в идеальный, а также цели такого преобразования. Субъективная сторона – это пределы обособления материального мира от нематериального, это пределы и цели самопознания и саморазвития человечества. Поэтому цель указанного принципа – опосредовать и содействовать достижению указанных целей человечества и реализации его предназначения [42, с. 88].

Устанавливая государственный язык судопроизводства, Конституция РФ гарантирует каждому участнику уголовного судопроизводства право пользоваться в уголовном процессе родным языком или языком привычного общения. Уголовно-процессуальный закон, признавая принцип языка судопроизводства одним из основных начал организации производства по уголовным делам, распространяет это право на все стадии уголовного процесса и не предусматривает каких-либо исключений. Допуская возможность альтернативы в использовании языка при производстве по уголовным делам в республиках РФ, уголовно-процессуальное законодательство исходит из того, что выбор языка судопроизводства при этом определяется законом и не должен зависеть от усмотрения дознавателя, следователя, прокурора, судьи [34, с. 57].

Осуществление правосудия на языке местного населения, хотя и приводит к неизбежным потерям в результате использования разных языков, но в то же время делает правосудие "по-настоящему гласным, открытым и понятным для большинства людей, проживающих в данной местности" [37, с. 153].

Важным способом защиты прав подозреваемого и обвиняемого является обязательное участие защитника в уголовном судопроизводстве, если подозреваемый или обвиняемый не владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу (п. 4 ч. 1 ст. 51 УПК РФ). Данную обязанность в случае отсутствия защитника у подозреваемого или обвиняемого обязаны обеспечить дознаватель, следователь, прокурор или суд с момента, когда стало известно об обстоятельствах, обуславливающих обязательность защитника [33, с. 126]. Поскольку в процессе нередко участвуют лица, не владеющие или плохо владеющие официальным (государственным) языком, таким лицам законодательством предоставляется право пользоваться в процессе родным языком и услугами переводчика, что является важной предпосылкой обеспечения принципа гласности правосудия, права обвиняемого на защиту и реализации других демократических принципов судебного процесса.

Нарушение права подсудимого пользоваться языком, которым он владеет, и помощью переводчика, согласно п. 5 ч. 2 ст. 381 УПК РФ относится к числу существенных нарушений уголовно-процессуального закона и влечет безусловную отмену решения суда первой инстанции в апелляционном, кассационном или надзорном порядке. В то же время тот факт, что подсудимый говорит с акцентом и не понимает значение отдельных юридических терминов, еще не свидетельствует о незнании им русского языка и не будет вести к отмене приговора [63]. Если у подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого возникли подозрения, владеет ли он русским языком, неоднократно выяснялось, владеет ли он языком уголовного судопроизводства, то в дальнейшем это не может служить основанием к отмене приговора. Так, органами предварительного следствия Айдаболов обвинялся в покушении на изнасилование несовершеннолетней, повлекшем особо тяжкие последствия.

Во время судебного разбирательства судебная коллегия Московского городского суда пришла к выводу, что органами предварительного следствия допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона: Айдаболов — по национальности казах, плохо владеющий русским языком, в ходе предварительного следствия не был обеспечен переводчиком, чем нарушено его право на защиту.

Определением Московского городского суда уголовное дело Айдаболова, обвиняемого в преступлении, предусмотренном ст. 15 и ч. 4 ст. 117 УК РСФСР, направлено на дополнительное расследование.

В частном протесте государственный обвинитель поставил вопрос об отмене этого определения как противоречащего материалам дела.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 2 сентября 1992 г. протест удовлетворила, указав следующее.

Согласно ст. 17 УПК РСФСР, право пользоваться услугами переводчика предоставляется лишь тем лицам, участвующим в деле, которые не владеют языком, на котором ведется судопроизводство.

При задержании в порядке ст. 122 УПК РСФСР Айдаболов собственноручно написал, что русским языком владеет хорошо. В дальнейшем он не изъявлял желания давать показания на казахском языке либо пользоваться услугами переводчика. Наоборот, при ознакомлении с материалами дела по окончании предварительного следствия он при прочтении документов на русском языке от услуг переводчика отказался и пользовался услугами переводчика лишь при ознакомлении с документами на казахском языке, которым владеет слабо.

Ссылка Московского городского суда на то, что Айдаболов говорит с акцентом и не понимает отдельных юридических терминов, еще не свидетельствует о незнании им русского языка. При таких обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ не установила нарушения требований ст. 17 УПК РСФСР органами предварительного следствия [64]. Имеется и еще один подобный случай [67]. Наличие нескольких подобных казусов указывает на то, что сторона-защита часто использует факт спорности владения языком уголовного судопроизводства в качестве тактического способа затягивания процесса.

Судьи и присяжные заседатели обязаны знать язык, на котором ведется судопроизводство в регионе их юрисдикции. Незнание ими языка или слабое им владение не позволяет этим должностным лицам надлежащим образом исполнять свои обязанности даже с помощью переводчика, так как в совещательной комнате при постановлении приговора и вынесении вердикта присутствие переводчика исключается. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ "О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации" в п. 2 ч. 3 ст. 3 обязывает исключать из списка присяжных заседателей тех из них, которые не владеют языком, на котором ведется судопроизводство в данной местности [8]. Такие же требования распространяются и в отношении судей.

Незнание заинтересованным лицом языка уголовного судопроизводства выступает в судебной практике уважительной причиной пропуска срока обжалования даже в случае своевременного вручения копии осужденному обжалуемого судебного решения при необеспечении ему возможности грамотно составить апелляционную или кассационную жалобу [46, с. 603].

Следует отметить, что Конституционный суд РФ и Верховный суд РФ в своих решениях последовательно подчеркивают огромную значимость для защиты прав человека и гражданина и российского правосудия принципа языка судопроизводства и необходимость его строжайшего соблюдения. Следует особо обратить внимание на Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2002 № 276-О по жалобе гражданина Исламова Лечи Сераевича на нарушение его конституционных прав п. 4 и 5 ч. 1 ст. 17 и ст. 18 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" [53]. Фабула дела такова.

В Конституционный Суд Российской Федерации обратился с жалобой гражданин Л.С. Исламов, чеченец по национальности, обвиняемый в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1, 2 ст. 208 УК РФ (организация незаконного вооруженного формирования и участие в нем). В порядке ст. 17 УПК РСФСР ему была предоставлена возможность при производстве следственных действий пользоваться услугами переводчика, однако на свидания обвиняемого с адвокатами переводчик не допускался. Должностным лицом Генеральной прокуратуры Российской Федерации, куда защитники Л.С. Исламова — адвокаты Н.В. Качаев, В.Г. Максименко и А.Г. Пипия обжаловали этот отказ, было разъяснено, что согласно ст. 17 и 18 Федерального закона от 15 июля 1995 года "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" переводчик не входит в число лиц, имеющих право на свидания с обвиняемым.

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации Л.С. Исламов оспаривает конституционность п. 4 и 5 ч. 1 ст. 17 и ст. 18 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений", регламентирующих предоставление свиданий подозреваемым и обвиняемым с защитником, родственниками и иными лицами. По мнению заявителя, названные нормы как лишаящие обвиняемого возможности пользоваться услугами переводчика при свиданиях с адвокатом нарушают его конституционные права, гарантированные ст. 48, а также ст. 19 (ч. 2), 26 (ч. 2), 45 (ч. 1) Конституции Российской Федерации.

Регламентируя условия и порядок реализации права на помощь адвоката (защитника), Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР предусматривал, что с момента допуска к участию в деле защитника обвиняемый, содержащийся под стражей, может иметь с ним свидания без ограничения их количества и продолжительности. Обязательным требованием, подлежащим безусловному исполнению, является предоставление возможности лицам, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, пользоваться услугами переводчика в установленном законом порядке. Право пользоваться услугами переводчика полностью распространяется на сферу общения обвиняемого с его защитником. Иное означало бы нарушение требования ст. 19 УПК РСФСР об обеспечении подозреваемому и обвиняемому права на защиту.

Ни по буквальному смыслу, ни по целевому назначению оспариваемые положения Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" не дают оснований для отказа в присутствии переводчика при свиданиях содержащихся под стражей подозреваемых и обвиняемых с защитником. Обвиняемый, не владеющий языком, на котором ведется судопроизводство, пользуясь помощью переводчика во время свидания с защитником, оказывающим ему необходимую юридическую помощь, осуществляет свое право на защиту. Переводчик же в данном случае обеспечивает полноценную реализацию данного права и не может быть приравнен к "иным лицам", свидания с которыми предоставляются обвиняемому в соответствии с оспариваемыми положениями. Ведение уголовного дела, исполнение процессуальных обязанностей защитника не может быть поставлено в зависимость от усмотрения должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, основанное на не перечисленных в уголовно-процессуальном законе обстоятельствах, ограничивающих возможности осуществления полномочий защиты. Истолкование п. 4 и 5 ч. 1 ст. 17 и ст. 18 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" как позволяющих отказывать в допуске переводчика на свидания с защитником содержащегося под стражей обвиняемого, не владеющего языком судопроизводства, по существу, противоречит уголовно-процессуальному закону.

Проверка и оценка законности и обоснованности решений, основанных на оспариваемых положениях, примененных в конкретном деле в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, установленную ст. 125 Конституции Российской Федерации и ст. 3 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", а относится к полномочиям органов прокуратуры и судов общей юрисдикции.

Исходя из изложенного и руководствуясь п. 2 и 3 ч. 1 ст. 43 и ч. 1 ст. 79 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации определил признать жалобу гражданина Исламова Лечи Сераевича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесения итогового решения в виде постановления в связи с тем, что конституционно-правовой смысл положений уголовно-процессуального закона, регламентирующих условия обеспечения свиданий обвиняемого (подозреваемого) с защитником, выявлен Конституционным Судом Российской Федерации в сохраняющем свою силу Постановлении от 25 октября 2001 г. по делу о проверке конституционности положений, содержащихся в ст. 47 и 51 УПК РСФСР и п. 15 ч. 2 ст. 16 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений".

Вытекающий из указанного Постановления и данного Определения № 276-О конституционно-правовой смысл предписаний п. 4 и 5 ч. 1 ст. 17 и ст. 18 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений", не допускающий воспрепятствование присутствию переводчика при свиданиях обвиняемого (подозреваемого), содержащегося под стражей, с защитником, является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

Конституционный Суд Российской Федерации определил:

1. Признать не противоречащими Конституции Российской Федерации содержащиеся в ч. 1 и 4 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР положения, регулирующие порядок допуска адвоката, имеющего ордер юридической консультации, к участию в деле, в том числе при проведении свиданий с содержащимися под стражей обвиняемыми и подозреваемыми, поскольку эти положения не предполагают каких-либо дополнительных условий разрешительного характера для реализации права обвиняемого (подозреваемого) пользоваться помощью адвоката (защитника).

2. Признать не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее ст. 48 (ч. 2) и 55 (ч. 3), положение п. 15 ч. 2 ст. 16 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений", допускающее регулирование конституционного права на помощь адвоката (защитника) ведомственными нормативными актами, поскольку это положение — по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, — служит основанием неправомерных ограничений данного права, ставя реализацию возможности свиданий обвиняемого (подозреваемого) с адвокатом (защитником) в зависимость от наличия специального разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело.

Таким образом, в данном определении Конституционный Суд РФ от 7 декабря 2002 г. указал, что обязательным требованием, подлежащим безусловному исполнению, является предоставление возможности лицам, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, пользоваться услугами переводчика в установленном законе порядке, а право бесплатно пользоваться услугами переводчика полностью распространяется на сферу общения обвиняемого с его защитником, включая свидание наедине.

Таким образом, нарушение принципа языка уголовного судопроизводства, как и всех принципов уголовного процесса, влечет, как правило, признание соответствующего процессуального действия (в том числе и приговора) незаконным и влечет признание полученных доказательств недопустимыми согласно ст. 75 УПК РФ. Поэтому следует согласиться с В. Бородиновым и добавить к основаниям отмены приговора в ч. 2 ст. 381 УПК РФ следующий обобщающий пункт: "Нарушение принципов уголовного судопроизводства, закрепленных в Конституции РФ и гл. 2 настоящего Кодекса" [22, с. 24].

Право на пользование национальным языком является неотъемлемой частью прав человека и закреплено во многих международно-правовых актах, которые в случае их ратификации согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ подлежат применению и имеют большую юридическую силу по сравнению с внутренним законодательством Российской Федерации. Правда, при их применении следует иметь в виду, что нормы практически всех международных документов в сфере языка уголовного судопроизводства носят декларативный характер и конкретный механизм их реализации закреплен во внутреннем законодательстве РФ — в УПК РФ, а также в Постановлениях Верховного Суда РФ, Постановлениях и Определениях Конституционного Суда РФ, Обзорах судебной практики, которые периодически публикуются в Бюллетене Верховного Суда РФ.

В ст. 2 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. говорится о том, что каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения [2].

В п. "a" и "f" ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах сказано, что каждый имеет право при рассмотрении любого предъявляемого ему обвинения как минимум на следующие гарантии на основе полного равенства: быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о характере и основании предъявляемого ему обвинения; пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке.

Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме в Принципе 13 указывает, что любому лицу в момент ареста или в начале задержания или заключения или вскоре после этого органом, ответственным за арест, задержание или заключение, соответственно, доводятся до сведения и разъясняются его права и как оно может осуществить эти права. Лицо, которое недостаточно хорошо понимает или говорит на языке, используемом властями, ответственными за его арест, задержание или заключение, имеет право на получение как можно скорее на языке, который он понимает, информации, указанной в принципах 10, 11 (п. 2), 12 (п. 1) и 13, и на получение помощи переводчика, если необходимо — бесплатной, в связи с юридическим разбирательством после его ареста.

Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (ч. 2 ст. 5) определяет, что каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преследования как минимум имеет следующие права: быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения; иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты; защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия; допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него; пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке.

Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам в ст. 17 содержит норму о том, что в отношениях друг с другом при выполнении настоящей Конвенции учреждения юстиции Договаривающихся Сторон пользуются государственными языками или русским языком [3].

2. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

2.1. ПРАВОВОЙ СТАТУС, ПОЛНОМОЧИЯ И ПОРЯДОК УЧАСТИЯ ПЕРЕВОДЧИКА В ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ И СУДЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ

С целью реализации принципа языка уголовного судопроизводства действующее уголовно-процессуальное законодательство устанавливает ряд конституционных и уголовно-процессуальных гарантий, таких, как обязательное участие в необходимых случаях переводчика, вручение надлежащим образом переведенных процессуальных документов и обязательное участие переводчика [31, с. 17 – 25].

Согласно п. 9 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 "О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия" суд по ходатайству участвующих в деле лиц обязан обеспечить им право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства и выступать в суде на родном языке [54]. В то же время реальное осуществление прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства требует разработки и внедрения в законодательство и правоприменительную практику России надежных и доступных механизмов их защиты. Очевидно, что для эффективного осуществления прав и свобод в повседневной жизни необходим устойчивый к всевозможным нарушениям и негативным внутригосударственным воздействиям действенный механизм гарантий обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Таким механизмом реализации принципа языка уголовного судопроизводства и выступает участие в уголовном деле переводчика. Надлежащее обеспечение участникам уголовного судопроизводства указанного права является составной частью принципа языка уголовного судопроизводства [33, с. 140].

Действующий закон (ст. 18 УПК РФ) предусматривает два основания для обязательного привлечения к участию в деле переводчика, когда:

- 1) участник уголовного судопроизводства не владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу;
- 2) участвующее в деле лицо недостаточно владеет языком, на котором должно осуществляться производство по уголовному делу.

В УПК РФ впервые на законодательном уровне определен правовой статус и полномочия переводчика как "независимого, незаинтересованного в исходе дела участника процесса, не имеющего собственного интереса в уголовном судопроизводстве" [50, с. 54].

В гл. 8 УПК РФ включены те участники процесса, которые не подпадают ни под одну из трех основных процессуальных функций. Переводчик (ст. 59 УПК РФ) отнесен к числу иных участников уголовного судопроизводства наряду со свидетелем (ст. 56), экспертом (ст. 57), специалистом (ст. 58) и понятым (ст. 60). Таким образом, переводчик, помимо стороны обвинения, стороны защиты и суда, признан самостоятельным участником процесса и наделен широким кругом полномочий. Переводчик выполняет процессуальную функцию содействия правосудию.

В соответствии с ч. 1 ст. 59 УПК РФ переводчик – это лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода. При этом оно не обязательно должно иметь специальность или профессию переводчика [44, с. 164]. Если лица, ведущие процесс, сами владеют другим языком, на котором способны общаться не владеющий языком судопроизводства участник процесса, они не могут быть переводчиками, ибо при совмещении разных процессуальных функций подлежат отводу (п. 2 ч. 1 ст. 61 УПК). Переводчик не может участвовать в деле и подлежит отводу по основаниям, указанным в ст. 61, 69 УПК РФ, в том числе, если он является свидетелем, близким родственником или родственником любого из участников производства по делу либо каким-нибудь иначе лично заинтересованным в исходе данного уголовного дела. Вместе с тем участники процесса могут ходатайствовать о назначении переводчика из числа указанных ими лиц. При отсутствии оснований для его отвода такое лицо может быть допущено в качестве переводчика. О назначении лица переводчиком дознаватель, следователь или судья выносят постановление, а суд – определение.

К переводчикам необходимо предъявлять строгие требования. От их знаний порой зависят честь и жизнь человека, наказание преступника или оправдание невиновного. Мало знать синтаксис и грамматику двух языков, необходимы определенные познания в юридической, медицинской, технической терминологии, достаточный словарный запас, соблюдение точности при передаче существа письменно или устно изложенной мысли. Поэтому в уголовном процессе целесообразно пользоваться услугами штатных судебных переводчиков, и лишь при невозможности их участия – приглашать специалистов из других учреждений [47, с. 60–61]. Прежде чем решить вопрос об участии переводчика в судебном разбирательстве, необходимо выяснить, насколько свободно он владеет языками, знание которых потребуется при производстве по делу, имеет ли опыт и навыки перевода с одного языка на другой. От точности перевода речи, вопросов и ответов, а также документов зависит правильность оценки доказательств. При этом, по мнению В. Кочеткова и В. Назарова, следует разъяснить переводчику, что он должен придерживаться грамматического строя языков и не вправе комментировать переводимые им показания, вопросы, ответы и документы [35, с. 17].

Переводчик играет важную роль в процессуальном закреплении доказательств. На предварительном следствии он удостоверяет своей подписью протоколы следственных действий, в которых участвовал, и переведенные им документы.

Участвующим в деле лицам, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, должно быть разъяснено их право давать показания, выступать в суде на родном языке и пользоваться услугами переводчика. Непредоставление или несвоевременное предоставление переводчика нуждающемуся в нем лицу влечет безусловную отмену приговора [62, с. 11]. Следует обратить внимание на то, что если очевидно, что обвиняемый или иной участник следственного действия недостаточно владеет языком, на котором ведется судопроизводство, следователь, дознаватель обязаны обеспечить участие в деле переводчика, даже если он согласился обходиться без переводчика или по собственной инициативе заявил о нежелании его иметь [60, с. 4–5].

Участие переводчика в доказывании находится в прямой связи с институтом непосредственности в собирании и исследовании доказательств. Между следователем (судом) и обвиняемым (свидетелем) в данном случае возникает посредствующее звено. Информация проходит через сознание переводчика, преломляется в нем, а затем уже поступает к следователю и суду. Тем самым первоначальное средство доказывания (показание, заключение), будучи переведенным на другой язык, становится как бы производным. Поэтому всегда есть опасность, что часть важной для дела информации будет утрачена, искажена либо появится лжеинформация. Это необходимо учитывать при оценке доказательств, полученных с участием переводчика [41, с. 58].

Разъяснение переводчику его прав, обязанностей и возможной ответственности производится до начала выполнения переводчиком его обязанностей. В судебном разбирательстве разъяснение переводчику его прав и ответственности осуществляется председательствующим в подготовительной части судебного разбирательства сразу после открытия судебного заседания и проверки явки в суд.

Участие переводчика в следственных и иных процессуальных действиях фиксируется в протоколах этих действий, которые подлежат подписанию в числе других участников и переводчиком после ознакомления с их содержанием.

Переводчик обязан: являться по вызову следователя, дознавателя, органа дознания, прокурора, судьи или суда; выполнять правильный перевод в ходе производства следственных и иных процессуальных действий, а также перевод процессуальных документов; не разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу в качестве переводчика, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ.

За заведомо неправильный перевод и разглашение данных предварительного расследования предусмотрена уголовная ответственность в соответствии с Уголовным кодексом РФ. В ст. 307 УК РФ предусмотрена ответственность за заведомо ложное показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод; в ст. 310 УК РФ – за разглашение данных предварительного следствия. Следует учитывать, что исходя из этих положений в качестве переводчика, как правило, должно выступать лицо, достигшее 16-летнего возраста, с которого и наступает уголовная ответственность по ст. 307 и 310 УК РФ [50, с. 73]. При этом, согласно Примечанию к ст. 307 УК РФ, переводчик подлежит освобождению от уголовной ответственности, если он добровольно в ходе дознания, предварительного следствия или судебного разбирательства до вынесения приговора суда или решения суда заявил о произведенном им заведомо неправильном переводе. Непредупреждение переводчика следователем об уголовной ответственности за заведомо неправильный перевод наряду с неразъяснением обвиняемому его права на отвод переводчика является существенным нарушением Уголовно-процессуального закона. Так, органами предварительного следствия было предъявлено обвинение Янг Пиню и Яо Джайфенгу в умышленных убийствах Цуи Хечана, Тин Фусуна и в покушении на умышленное убийство Цо-Юн-Фу, совершенных 10 февраля 1996 г. в городе Челябинске. Судьей Челябинского областного суда 21 ноября 1996 г. дело в отношении Яо Джайфенга и Янг Пиня – граждан Китайской народной республики, обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного п. "в", "г", "е", "з", "н" ст. 102 УК РСФСР, возвращено для дополнительного расследования. Принимая это решение, судья в постановлении указал, что при проведении предварительного расследования было нарушено уголовно-процессуальное законодательство, а именно требования ст. 151 УПК РСФСР. Прокурор Челябинской области в частном протесте поставил вопрос об отмене постановления судьи и направлении дела на новое судебное рассмотрение. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 14 мая 1997 г. протест оставила без удовлетворения, а постановление судьи – без изменения по следующим основаниям. В соответствии со ст. 232 УПК РСФСР суд направляет дело для дополнительного расследования, если следственными органами допущено существенное нарушение уголовно-процессуального закона. Как видно из материалов дела и правильно указано в постановлении судьи, органами следствия при предъявлении обвинения были нарушены требования ст. 151 УПК РСФСР, выразившиеся в том, что переводчик З. не был предупрежден следователем об уголовной ответственности за заведомо неправильный перевод. Кроме того, обвиняемым не разъяснено их право заявить отвод переводчику, в протоколах допросов Янг Пиня и Яо Джайфенга в качестве обвиняемых переводчиком не подписана каждая страница протоколов допроса. При таких обстоятельствах суд обоснованно возвратил уголовное дело для производства предварительного расследования [65].

Переводчик имеет право: задавать вопросы участникам уголовного судопроизводства в целях уточнения перевода; знакомиться с протоколами следственного действия, в которых он участвовал, а также с протоколом судебного заседания и делать замечания по поводу правильности записи перевода, подлежащей занесению в протокол; подавать жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права, а также право на покрытие его расходов, связанных с явкой к месту производства процессуальных действий и проживанием (ч. 3 ст. 59; п. 1 ч. 2 ст. 131 УПК РФ).

Следует отметить, что переводчик должен осуществлять перевод на понятный подозреваемому или обвиняемому язык показания всех участников уголовного процесса – не только со стороны обвинения и защиты, но и иных участников уголовного процесса в лице понятых, эксперта и специалиста. Так, Приговором Верховного Суда Якутской АССР Луковцев осужден по ч. 1 и 2 ст. 218 п. "б" и "з" ст. 102 УК РСФСР.

Луковцев признан виновным в умышленном убийстве на почве ссоры Шустваль и убийстве из хулиганских побуждений Ишкулова, а также в незаконном хранении и ношении огнестрельного оружия с боевыми припасами и незаконном ношении холодного оружия.

В судебном заседании Луковцев, не отрицая вину в убийстве обоих потерпевших, пояснил, что Шустваля убил по неосторожности, когда доставал из мешка карабин, а Ишкулова — с целью скрыть убийство Шустваля. Вину в незаконном хранении и ношении боевого карабина с патронами и в незаконном ношении холодного оружия он признал.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев дело 22 марта 1974 г. по кассационной жалобе осужденного и его адвоката, приговор отменила и дело направила на новое расследование по следующим основаниям.

При расследовании и судебном рассмотрении настоящего дела органами предварительного следствия и судом допущены существенные нарушения гарантированных законом прав Луковцева.

Предварительное следствие и судебное заседание проведены на русском языке. Как видно из материалов дела, Луковцев русским языком владеет плохо.

При таких обстоятельствах в соответствии со ст. 17 УПК РСФСР ему должно быть обеспечено право делать заявления, давать показания, выступать на суде и заявлять ходатайства на родном языке, а также пользоваться услугами переводчика. При этом следственные и судебные документы должны вручаться ему в переводе на его родной язык, поскольку по смыслу закона не владеющим языком судопроизводства считается лицо, которое не в состоянии свободно его понимать и бегло объясняться на нем по всем вопросам, составляющим предмет судопроизводства, хотя бы оно в известной степени и было знакомо с этим языком.

Между тем, хотя во время предварительного следствия и судебного заседания переводчик участвовал, однако из замечаний адвоката на протокол судебного заседания, удостоверенного председательствующим, усматривается, что Луковцев давал показания на русском языке, перевод же показаний свидетелей на его родной язык производился не во всех случаях.

В кассационной жалобе Луковцев утверждал, что такое положение было и на предварительном следствии, поэтому он не мог полно и ясно излагать свои мысли.

Следственные и судебные документы, в нарушение требований закона, не были вручены ему в переводе на его родной язык.

Указанные нарушения уголовно-процессуального закона судебная коллегия признана существенными, стеснившими право обвиняемого на защиту. Поэтому приговор суда в отношении Луковцева нельзя считать законным и обоснованным.

Судебная коллегия предложила при новом расследовании обеспечить строгое соблюдение требований ст. 17 УПК РСФСР [57].

Следует обратить внимание также на то, что переводчик должен обеспечить перевод подсудимому показаний свидетеля, данных в судебных заседаниях [56].

В соответствии со ст. 18 и 169 УПК РФ переводчик привлекается к участию в производстве следственных и процессуальных действий для обеспечения прав участвующего в нем лица, не владеющего или недостаточно владеющего языком, на котором ведется производство по уголовному делу, делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела на родном языке или на другом языке, которым он владеет. Перед началом следственного действия, в котором участвует переводчик, следователь удостоверяется в его компетентности и разъясняет переводчику его права и ответственность (ч. 2 ст. 169 УПК РФ).

Порядок участия переводчика в судебном разбирательстве закреплен в ст. 263 УПК РФ. Все, что в процессе разбирательства дела произносится в суде, переводчик должен переводить лицу, не владеющему языком (показания допрашиваемых лиц, вопросы к ним, различные ходатайства, действия суда, указания председательствующего, содержание речей при слушивании судом прений сторон, последнего слова подсудимого и т.д.) [33, с. 454]. Участникам судебного разбирательства переводится доклад секретаря о явке лиц, которые должны участвовать в судебном заседании, о причинах неявки отсутствующих, а также все суждения, имевшие место при открытии судебного заседания и доклада секретаря. Все участники уголовного процесса пользуются помощью переводчика бесплатно. Оплата труда переводчика производится судом за счет средств федерального бюджета. Если переводчик исполнял обязанности в порядке судебного задания, то оплата его труда возмещается государством той организации, в которой переводчик работает (ч. 3 ст. 132 УПК РФ).

Переводчику гарантируется выплата вознаграждения и возмещения расходов, связанных с его участием в уголовном деле. Порядок исчисления и выплат вознаграждения, а также сумм в возмещении понесенных расходов, связанных с явкой и участием переводчика в уголовном судопроизводстве, регулируются Постановлением СМ РСФСР от 14 июля 1990 г. № 245 "Об утверждении инструкции о порядке и размерах возмещения расходов и выплаты вознаграждения лицам в связи с их вызовом в органы дознания, предварительного следствия, прокуратуру или в суд (кроме Конституционного Суда Российской Федерации и арбитражного суда)" [11].

В случае, если приговор изложен на языке, которым подсудимый не владеет, то переводчик переводит приговор вслух на язык, которым владеет подсудимый, синхронно с провозглашением приговора или после его провозглашения. Учитывая, что УПК РФ предусматривает два варианта перевода приговора (синхронный перевод приговора или перевод приговора непосредственно после оглашения его председательствующим), то в этих случаях целесообразно выяснять мнение об этом как у подсудимого, так и у переводчика [50, с. 216].

С нашей точки зрения, приоритет следует отдавать переводу приговора переводчиком непосредственно подсудимому после его провозглашения; это будет способствовать цельному уяснению смысла приговора, не прерывать судью и не мешать ему зачитывать приговор.

По мнению некоторых процессуалистов, переводчику трудно делать перевод по ходу чтения председательствующим любого из решений суда. Да и такие документы изобилуют, как правило, различного рода юридическими мотивировками, содержат в себе анализ исследований, сопровождаются специальной терминологией, что существенно затрудняет их восприятие на слух переводчиком [21].

Оправданному и осужденному, не владеющему или недостаточно владеющему языком судопроизводства, должны быть переведены на родной язык или на другой язык, которым он владеет, разъяснение председательствующего о порядке и сроках обжалования приговора, о праве ходатайствовать об участии в рассмотрении уголовного дела судом апелляционной и кассационной инстанции, о порядке ознакомления с протоколом судебного заседания и внесения в него замечаний.

Следует помнить, что переводчик согласно п. 5 ч. 1 ст. ФЗ "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства" относится к числу лиц, к которым может применяться система мер государственной защиты, направленных на защиту его жизни, здоровья, имущества [9].

В качестве указанных мер безопасности могут выступать:

- 1) личная охрана, охрана жилища и имущества;
- 2) выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности;

- 3) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице;
- 4) переселение на другое место жительства;
- 5) замена документов;
- 6) изменение внешности;
- 7) изменение места работы (службы) или учебы;
- 8) временное помещение в безопасное место;
- 9) применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое.

Меры безопасности, предусмотренные пунктами 4 – 7 указанного закона, осуществляются только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях.

Данный перечень носит открытый характер, и при необходимости могут быть применены и иные меры безопасности.

В связи с тем, что на сегодняшний момент в Российской Федерации отсутствует штат судебных переводчиков, которые профессионально бы занимались оказанием услуг по переводу в судебном заседании и на досудебных стадиях уголовного процесса, вся тяжесть организационной работы по поиску и привлечению переводчиков к уголовному делу ложится на следователя либо дознавателя. В качестве лица, которое бы обладало необходимыми языковыми навыками, можно выбрать любое лицо, которое владеет необходимым языком, желательно после соответствующей проверки его способностей. Языковой ценз в данном случае не обязателен и не может служить препятствием для привлечения необходимого лица в качестве переводчика. Желательно, чтобы следователь по ходу своей деятельности собирал сведения о лицах (фамилия, имя, отчество, род и место работы, место жительства, телефон, язык, которым владеет, уровень владения языком), языковые способности которых могут оказаться полезными, и их можно впоследствии при появлении необходимости оперативно привлечь его к участию в уголовном деле. В роли переводчиков можно привлечь и учителей иностранных языков школ, а также преподавателей средних специальных и высших учебных заведений. Следует учесть положительный опыт ряда российских регионов, в частности Москвы, где правоохранительные органы с согласия на предоставление услуг по переводу руководства МГИМО и факультета иностранных языков МПГУ им. В.И. Ленина привлекают студентов в роли переводчиков. Установлен также контакт со студентами юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова на случай необходимости выделения переводчика для граждан иностранных государств.

В качестве примера можно привести Польшу. Вопросы подбора переводчика в данной стране урегулированы распоряжением министра юстиции от 8 июня 1987 г. "О судебных экспертах и переводчиках". Этим распоряжением председателю суда предоставлено право составления специальных списков экспертов и переводчиков, из которых они выбираются судом для исполнения обязанностей по конкретному делу. Переводчики подбираются по соответствующим языкам и языку глухонемых и вносятся в список по согласованию с учреждением, где они работают постоянно; срок их нахождения в списке не определен (эксперты вносятся в список на пятилетний срок). Помимо соответствия определенным профессиональным требованиям, вносимые в список кандидаты должны быть гражданами Польши, не моложе 25 лет и обладать полной правоспособностью и дееспособностью. Надзор за деятельностью экспертов и переводчиков возложен на председателя соответствующего военного суда.

В дальнейшем, как представляется, указанные большие организационные сложности должны повлечь создание подразделений специализированных переводчиков, в том числе сурдопереводчиков, в системе Министерства юстиции РФ. При возникшей необходимости органы внутренних дел, прокуратуры, ФСБ и суд посылают запрос в подразделение переводчиков, которое немедленно должно направить лицо, обладающее необходимыми знаниями, умениями и навыками в области перевода и сурдоперевода, а не искать самостоятельно переводчика, знания которого зачастую заставляют желать лучшего.

Переводчик при осуществлении своей деятельности должен руководствоваться определенными началами, закрепленными в Хартии переводчика Международной Федерации Переводчиков (FIT), которая одобрена конгрессом в Дубровнике в 1963 г. и дополнена в Осло 9 июля 1994 г.; и в Профессиональном кодексе члена Союза переводчиков России, принятом 3 съездом Союза переводчиков России 14 мая 1998 г.

Так, в Профессиональном кодексе члена Союза переводчиков России (СПР) говорится о том, что:

- 1) переводчик — член СПР обязан соблюдать и требовать соблюдения по отношению к нему всех предусмотренных национальным и международным правом принципов и норм, которым обязался следовать Союз переводчиков России;
- 2) переводчик обязан соблюдать принципы профессиональной солидарности, избегая нелояльной конкуренции, а также не соглашаясь на условия, уступающие тем, что были согласованы СПР, органами власти и работодателями;
- 3) переводчик не должен соглашаться на условия, унижающие его профессиональное и человеческое достоинство, не позволяющие ему гарантировать высокое качество перевода и не отвечающие традициям, нормам и интересам переводческого сообщества;
- 4) переводчик, и только переводчик, несет ответственность за качество и аутентичность перевода, независимо от условий заключенного им с заказчиком договора (контракта);
- 5) переводчик должен гарантировать конфиденциальность ставшей ему известной информации;
- 6) переводчик должен соблюдать законные права авторов оригинальных текстов;
- 7) работая в составе переводческих коллективов, в частности при синхронном переводе, в составе временных творческих коллективов, переводчик обязан соблюдать общие для всех профессиональные правила работы и поведения, а также требовать равные условия оплаты его труда;
- 8) переводчик должен требовать соблюдения заказчиками и иными лицами его законных авторских прав;
- 9) переводчик — член СПР обязан строго соблюдать Устав СПР, за несоблюдение уставных, профессиональных и этических норм к переводчику могут быть применены предусмотренные Уставом СПР санкции.

В полной мере данные требования применимы и к переводчикам, осуществляющим перевод речи или текстов на предварительном расследовании или в суде.

Для того чтобы облегчить работу переводчика, участники уголовного процесса, в особенности прокурор, следователь, дознаватель, судья обязаны следить за ясностью своей речи. Ясность речи заключается в ее доходчивости. Речь должна быть понятна для слушателей. Ясность речи достигается использованием общеупотребительных слов и выражений. Популярность, доступность, прозрачность речи, а значит, и ее убедительность зависят и от других коммуникативных качеств речи, в том числе от ее логичности. Эффективному усвоению председательствующим судьей и другими слушателями главной мысли государственного обвинителя, его позиции и доводов, на которых она основана, способствует еще одно важное коммуникативное качество – лаконичность при достаточной продолжительности речи. Это коммуникативное качество выражается в отсутствии лишних слов, мешающих движению главной мысли, экономности, емкости, упругости, содержательности речи, в которой "словам тесно, а мыслям просторно". Лаконичная речь, обладающая достаточной продолжительностью, может быть и краткой, и длинной, и очень краткой, и очень длинной, произносимой в течение нескольких часов и даже дней – когда здравый смысл подсказывает, что разумно, целесообразно, уместно избрать ту или иную продолжительность речи, с учетом обстоятельств дела, замысла оратора, его интеллектуально-духовного потенциала, его речевых ресурсов, умений и навыков [39, с. 37–38].

В связи с тем, что речь государственного обвинителя и речь защитника, а также их реплики зачастую носят эмоциональный характер и часто направлены именно на вызов эмоциональной реакции у суда, подсудимого, лиц, присутствующих в зале судебного разбирательства, а особенно у присяжных заседателей, то переводчик, посредством слов-синонимов, должен передать смысловой оттенок речи участника процесса [15, с. 119]. В то же время переводчик ни в коем случае не должен злоупотреблять данным правом и подменять слова подсудимого, государственного обвинителя, защитника, потерпевшего, свидетеля своими собственными словами и допускать вольный пересказ речи указанных лиц так, как он их понимает.

Кроме того, в связи с уже упоминаемым Определением Конституционного Суда РФ от 7 декабря 2001 г. № 276-О по жалобе гражданина Исламова Лечи Сераевича на нарушение его конституционных прав п. 4 и 5 ч. 1 ст. 17 и ст. 18 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" возникла необходимость внесения в текст УПК РФ поправок [53]. В связи с этим назрела острая необходимость в том, чтобы в ст. 92 УПК РФ была учтена конституционно-правовая позиция Конституционного Суда РФ относительно присутствия переводчика при свиданиях подозреваемого наедине с защитником. Исходя из этого, предлагаем ч. 4 ст. 92 УПК РФ изложить в следующей редакции: *"До начала допроса подозреваемому по его просьбе обеспечивается свидание с защитником наедине и конфиденциально, в том числе с участием переводчика в случаях, когда подозреваемый (обвиняемый) не владеет или недостаточно владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу"*. Аналогичную формулировку следовало бы включить в п. 3 ч. 4 ст. 46; п. 9 ч. 1 ст. 47; п. 1 ч. 1 ст. 53 УПК РФ.

Наряду с этим в ч. 2 ст. 18 УПК РФ необходимо закрепить в качестве важнейшей гарантии право подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, не владеющего или недостаточно владеющего языком уголовного судопроизводства, бесплатно пользоваться помощью переводчика во время его свидания наедине с защитником в порядке, установленном в ст. 92 УПК РФ. С учетом данного дополнения ст. 18 УПК РФ по своему конституционно-правовому и уголовно-процессуальному смыслу и юридическому значению станет практически безупречной нормой уголовно-процессуального права Российской Федерации.

Отдельного внимания заслуживает зарубежный опыт в даче технической оснащенности своих правоохранительных органов новейшими средствами связи, информации, идентификации и т.д.

В США, являющихся многонациональным государством, полицейским постоянно приходится иметь дело с преступниками и свидетелями преступлений — иностранными гражданами и лицами без гражданства, которые не говорят или не понимают по-английски. Невозможность контролировать преступников-иностранцев или отдать приказ потенциально опасному подозреваемому влечет за собой серьезные последствия. Невозможность допросить свидетелей на месте преступления или выяснить нужные адреса и телефоны существенно затрудняет расследование преступлений, связанных с иностранными гражданами и лицами без гражданства. Языковой барьер не дает возможности раскрывать преступления "по горячим следам".

Обзор практики деятельности полиции США показывает, что подозреваемых иногда приходится освобождать из-за того, что они не могут понять зачитанные по-английски права арестованного, поскольку владеют только испанским или японским языком. Чтобы преодолеть языковой барьер, для правоохранительных и исправительных органов разрабатываются различные технологии перевода устной речи, которые успешно испытываются полицейскими агентствами на местах и заключаются в следующем: в компьютер с помощью микрофона вводится голосовая информация на определенном языке.

Компьютер в свою очередь переводит введенную речь на другой язык и затем "произносит" ее. Имеющиеся в настоящее время демонстрационные системы способны переводить устную английскую речь на испанский и корейский языки, испанскую и китайскую речь – на английский язык.

Менее сложным устройством является УНТ, служащее для перевода устных распоряжений, разработка которого финансируется Национальным институтом правосудия США. Получив данную голосом команду, прибор выдает на разных языках заранее запрограммированные предложения, предназначенные как для повседневных, так и для критических ситуаций. Опытный образец этого устройства перевода, испытываемый в полевых условиях в полицейском департаменте Окленда (штат Калифорния), представлял собой коробочку размером 12,7 × 12,7 см и весом около 1 кг. Устройство позволяло говорящему по-английски полицейскому общаться с людьми на одном из трех языков: испанском, китайском или вьетнамском. При этом его можно было запрограммировать на введение новых языков и предложений.

Конечная цель разработок – создание устройства размером с помещающийся в руке калькулятор, с миниатюрными, доступными по цене электронными компонентами. Он может использоваться с нагрудным микрофоном или микрофоном, крепящимся на наушнике. Практические испытания электронного переводчика дали положительные результаты. Не говорящие по-английски лица рассматривали устройство как средство связи. Кроме того, опыт показал, что полицейские департаменты США на местах могут сами составить многие фразы, поскольку их конструкция определяется местными диалектами [32, с. 396 – 398].

Нам представляется, что данный опыт США необходимо внедрить и в нашей стране. Подобные переводчики после перенастройки можно использовать российским правоохранительным службам, ведущим борьбу с преступностью иностранных граждан и лиц без гражданства. Реализация подобной программы и применение технических средств позволили бы правоохранительным органам нашей страны эффективнее контролировать преступность иностранных граждан и лиц без гражданства.

2.2. ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ВРУЧЕНИЕ СЛЕДСТВЕННЫХ И СУДЕБНЫХ ДОКУМЕНТОВ УЧАСТНИКАМ ПРОЦЕССА НА ЯЗЫКЕ, КОТОРЫМ ОНИ ВЛАДЕЮТ

Гарантией реализации принципа языка уголовного судопроизводства и обеспечения прав человека и гражданина в сфере правосудия служат требования закона о необходимости перевода на родной язык или на язык, которым владеет участник процесса, всех следственных и судебных документов, подлежащих обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, потерпевшему, а также другим субъектам, участвующим в деле (ч. 3 ст. 18; п. 6, 7, 13 ч. 2 ст. 42; п. 1, 6, 7 ч. 4 ст. 46; ч. 2, п. 2, 6, 7, 9 ч. 4 ст. 47 и другие ст. УПК РФ).

С учетом законодательных новелл процедура вручения названных документов – это неотъемлемая процессуальная формальность и важная гарантия прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства [50, с. 132].

Из данного фундаментального положения вытекает незыблемое правило о том, что право участников уголовного процесса, не владеющих или недостаточно владеющих языком судопроизводства, на бесплатную помощь переводчика не ограничивается его участием в производстве следственных действий, а также в устном и состязательном разбирательстве уголовного дела. Переводчик также должен обеспечить правильный и своевременный перевод необходимых документов.

В части 3 ст. 18 УПК РФ закреплено императивное требование о том, что если в соответствии с УПК РФ следственные и судебные документы подлежат обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, то указанные документы должны быть переведены на родной язык соответствующего участника уголовного судопроизводства или на язык, которым он владеет. Несоблюдение этого правила относится к числу существенных нарушений уголовно-процессуального закона и ведет к безусловной отмене приговора. Так, Зеленоградским окружным судом Москвы 1 декабря 1998 г. осуждены Догмаров и Ефанов по ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 194 и ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 327 УК РФ. Они признаны виновными в пособничестве в уклонении от уплаты таможенных платежей в крупном размере, совершенном неоднократно, а также в пособничестве в неоднократной подделке официальных документов, предоставляющих права и освобождающих от обязанностей.

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда приговор изменила: исключила указание суда о совершении преступления в составе организованной группы в качестве отягчающего наказание обстоятельства.

Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об отмене судебных решений и направлении дела на новое расследование ввиду допущенного органами предварительного следствия существенного нарушения уголовно-процессуального закона.

Президиум Московского городского суда 13 апреля 2000 г. протест удовлетворил, указав следующее: из материалов дела усматривается, что следователем не выполнены требования ст. 201, 202, 203 УПК РСФСР, предусматривающие право обвиняемых после объявления об окончании предварительного следствия на ознакомление со всеми материалами дела как лично, так и с помощью защитника. В материалах дела имеются документы, составленные на иностранных языках, перевод их не сделан, что лишило обвиняемых и их адвокатов возможности ознакомиться с этими документами.

После ознакомления с материалами дела адвокаты подсудимых и обвиняемый Догмаров в ходатайствах указали на это обстоятельство и просили о переводе иностранных текстов для надлежащего выполнения требований ст. 201–203 УПК РСФСР и обеспечения реальной возможности осуществлять защиту обвиняемых.

Однако следователь этого не сделал, хотя в соответствии со ст. 17 УПК РСФСР участвующим в деле лицам должно быть обеспечено право при ознакомлении с материалами дела пользоваться услугами переводчика.

При таких обстоятельствах следует признать, что органами следствия не выполнены требования ст. 201–203 УПК РСФСР, что является существенным нарушением уголовно-процессуального закона (ограничение возможности обвиняемого осуществлять свое право на защиту от предъявленного обвинения), влекущим в соответствии со ст. 232 УПК РСФСР направление дела на новое расследование [66]. Имеются и иные аналогичные случаи [55; 61].

К сожалению, ч. 3 ст. 18 УПК не указывает прямо, какие именно следственные и судебные документы подлежат обязательному вручению в переводе на родной язык или на язык, которым владеет участник уголовного процесса.

К числу важнейших документов, подлежащих вручению участникам уголовного процесса, обычно относят следующие основные процессуальные документы:

1. *Перечень следственных и судебных документов, подлежащих обязательному переводу и вручению потерпевшему или его представителю на родном языке или на языке, которым он владеет* (п. 13 ч. 2 ст. 42, ст. 45 УПК РФ):

- 1) копия постановления о возбуждении уголовного дела или об отказе в этом (ст. 145, ч. 4 ст. 146 УПК РФ);
- 2) копия постановления о признании его потерпевшим по уголовному делу (п. 13 ч. 2 ст. 42 УПК РФ);
- 3) копия постановления об отказе в признании лица потерпевшим (п. 13 ч. 2 ст. 42 УПК РФ);
- 4) копия постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) (ч. 4 ст. 213 УПК РФ);
- 5) копия постановления о приостановлении производства по уголовному делу;
- 6) копия приговора суда первой инстанции (п. 13 ч. 2 ст. 42; ст. 312 УПК РФ);
- 7) копии следующих решений судов апелляционной и кассационной инстанций:
  - а) постановления суда апелляционной инстанции об оставлении приговора суда первой инстанции без изменения, а апелляционных жалоб и представления без удовлетворения (п. 1 ч. 3 ст. 367 УПК РФ);
  - б) приговора суда апелляционной инстанции об отмене обвинительного приговора и оправдании подсудимого или о прекращении уголовного дела (п. 2 ч. 3 ст. 367 УПК РФ);

в) приговора суда апелляционной инстанции об отмене оправдательного приговора суда первой инстанции и вынесении обвинительного приговора (п. 3 ч. 3 ст. 367 УПК РФ);

г) приговора суда апелляционной инстанции об изменении приговора суда первой инстанции (п. 4 ч. 3 ст. 367 УПК РФ);

д) кассационного определения об оставлении приговора или иного решения без изменения, а жалобы или представления без удовлетворения (п. 1 ч. 1 ст. 378 УПК РФ);

е) кассационного определения об отмене приговора или иного обжалуемого судебного решения и о прекращении уголовного дела (п. 2 ч. 1 ст. 378 УПК РФ);

ж) кассационного определения об отмене приговора или иного обжалуемого судебного решения и о направлении уголовного дела на новое судебное разбирательство в суд первой или апелляционной инстанции со стадии предварительного слушания, или судебного разбирательства, или действий суда после вынесения вердикта присяжных заседателей (п. 3 ч. 1 ст. 378 УПК РФ); кассационного определения об изменении приговора или иного обжалуемого судебного решения (п. 4 ч. 1 ст. 378 УПК РФ).

II. *Перечень следственных и судебных документов, подлежащих обязательному переводу и вручению частному обвинителю или его представителю на родном языке или на языке, которым он владеет* (ч. 1 ст. 318; ст. 43, ст. 45 УПК РФ).

В случае, если частный обвинитель не владеет или недостаточно владеет языком судопроизводства и является одновременно потерпевшим, то он обладает теми же процессуальными правами, которые предоставлены потерпевшему (ст. 42 УПК РФ), в том числе и правом на получение всех перечисленных выше следственных и судебных документов, обязательно вручаемых потерпевшему на родном языке или на языке, которым он владеет.

III. *Перечень процессуальных решений, относящихся к гражданскому иску, подлежащих обязательному переводу и вручению гражданскому истцу или его представителю на родном языке или на языке, которым он владеет* (п. 13 ч. 4 ст. 44, 45 УПК РФ):

1) копия постановления о прекращении уголовного дела и уголовного преследования (ч. 4 ст. 213 УПК РФ);

2) копии приговоров суда первой инстанции, относящихся к предъявленному им гражданскому иску (п. 13 ч. 4 ст. 44 УПК РФ);

а) об удовлетворении гражданского иска полностью или частично (п. 1 ч. 1 и ч. 2 ст. 309 УПК РФ);

б) о признании за гражданским истцом права на удовлетворение иска и передаче вопроса о его размере для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства (ч. 2 ст. 309 УПК РФ);

в) об отказе в удовлетворении гражданского иска при оправдании подсудимого (ч. 2 ст. 306 УПК РФ), либо при прекращении уголовного дела на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ;

г) об оставлении гражданского иска без рассмотрения по иным основаниям, указанным в законе, при постановлении оправдательного приговора (ч. 2 ст. 306 УПК РФ);

3) копии решений суда апелляционной или кассационной инстанции об оставлении без изменения или изменении решений суда первой инстанции в части, касающейся гражданского иска (ч. 5 ст. 354 УПК РФ).

IV. *Перечень следственных и судебных документов, подлежащих обязательному переводу и вручению подозреваемому на родном языке или на языке, которым он владеет* (ч. 3 ст. 18; п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ):

1) копия постановления о возбуждении против него уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ);

2) копия протокола задержания подозреваемого по подозрению в совершении преступления (ст. 92 УПК РФ);

3) копия постановления дознавателя, следователя, прокурора или судьи, либо определения суда об избрании подозреваемому, обвиняемому меры пресечения (ч. 1 и 2 ст. 101 УПК РФ);

4) копия определения или постановления суда об отказе в удовлетворении ходатайства дознавателя, следователя, прокурора об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу при его освобождении (ч. 4 ст. 94 УПК РФ), а также справки об освобождении подозреваемого из-под стражи с указанием, кем он был задержан, дата, время, место и основания задержания, дата, время и основания его освобождения (ч. 5 ст. 94 УПК РФ);

5) копия протокола личного обыска подозреваемого (ч. 1 ст. 184 УПК РФ);

6) копия протокола обыска в помещении подозреваемого (ч. 11, 15 ст. 182 УПК РФ);

7) копия протокола выемки предметов и документов в месте их обнаружения (ч. 2 ст. 183 УПК РФ);

8) копия протокола наложения ареста на имущество подозреваемого (ч. 8 ст. 115 УПК РФ);

9) копия протокола наложения ареста на ценные бумаги подозреваемого (ч. 1 ст. 116 УПК РФ);

10) копия постановления о прекращении уголовного дела и уголовного преследования (ч. 4 ст. 213 УПК РФ).

V. *Перечень следственных и судебных документов, подлежащих обязательному переводу и вручению обвиняемому, осужденному (оправданному) на родном языке или на языке, которым он владеет* (ч. 2 ст. 47; п. 2, 18, 19 ч. 4 ст. 47 УПК РФ):

1) копия постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого (ч. 8 ст. 172 УПК РФ);

2) копия постановления о применении к нему меры пресечения (ч. 2 ст. 101 УПК РФ);

3) копия обвинительного заключения (ч. 6 ст. 220; ч. 2 ст. 222 УПК РФ);

4) копия обвинительного акта (п. 2 ч. 4 ст. 47; ч. 3 ст. 226 УПК РФ);

5) копия протокола обыска в помещении, где проживал обвиняемый (ч. 15 ст. 182 УПК РФ);

6) копия протокола выемки предметов и документов в местах их обнаружения (ч. 2 ст. 183 УПК РФ);

7) копия протокола наложения ареста на имущество обвиняемого (ч. 8 ст. 115 УПК РФ);

8) копия протокола наложения ареста на ценные бумаги обвиняемого (ч. 1 ст. 116 УПК РФ);

9) копия протокола личного обыска обвиняемого (ч. 1 ст. 184 УПК РФ);

10) копия постановления дознавателя, следователя, прокурора или судьи о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (ч. 3 и 4 ст. 213; ч. 4 ст. 239 УПК РФ);

11) копия оправдательного или обвинительного приговора суда первой инстанции (ст. 312 УПК РФ);

12) копия постановления об освобождении судом несовершеннолетнего подсудимого от наказания с направлением его в специализированное учреждение для несовершеннолетних (ч. 8 ст. 432 УПК РФ);

13) копии принесенных по уголовному делу жалоб и представления (п. 19 ч. 4 ст. 47 УПК РФ);

14) копии решений суда апелляционной инстанции по результатам рассмотрения уголовного дела (ч. 3 ст. 367; п. 18 ч. 4 ст. 47 УПК РФ):

а) об оставлении приговора суда первой инстанции без изменения, а апелляционных жалобы или представления без удовлетворения;

б) об отмене обвинительного приговора суда первой инстанции и оправдании подсудимого или о прекращении уголовного дела;

в) об отмене оправдательного приговора суда первой инстанции и вынесении обвинительного приговора;

г) об изменении приговора суда первой инстанции;

15) копии определений, выносимых судом кассационной инстанции по результатам рассмотрения уголовного дела (ст. 378 УПК РФ):

а) об оставлении приговора или иного обжалуемого судебного решения без изменения, а жалобы или представления без удовлетворения;

б) об отмене приговора или иного обжалуемого судебного решения и о прекращении уголовного дела;

в) об отмене приговора или иного обжалуемого судебного решения и о направлении уголовного дела на новое судебное разбирательство в суд первой или апелляционной инстанции со стадии предварительного слушания, или судебного разбирательства, или действий суда после вынесения вердикта присяжных заседателей;

г) об изменении приговора или иного обжалуемого судебного решения.

VI. Перечень следственных и судебных документов, подлежащих обязательному переводу и вручению законному представителю лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера:

1) копия постановления о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным в ст. 24 и 27 УПК РФ, а также в случаях, когда характер совершенного деяния и психическое расстройство лица не связаны с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда (п. 1 ч. 1 ст. 439 УПК РФ);

2) копия постановления о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера (п. 6 ч. 2 ст. 437; ч. 6 ст. 439 УПК РФ);

3) копия постановления суда об освобождении этого лица от уголовной ответственности и применении к нему принудительной меры медицинского характера (ч. 1 ст. 443; п. 9 ч. 2 ст. 437 УПК РФ);

4) копия постановления суда о прекращении уголовного дела и об отказе в применении принудительной меры медицинского характера (ч. 2 ст. 443; п. 9 ч. 2 ст. 437 УПК РФ);

5) копия постановления о прекращении, изменении и продлении применения принудительной меры медицинского характера (п. 9 ч. 2 ст. 437; п. 8 ст. 445 УПК РФ);

б) копии решений суда кассационной инстанции по результатам рассмотрения жалобы или представления по уголовному делу о применении или об отказе в применении принудительной меры медицинского характера, либо о прекращении уголовного дела (п. 9 ст. 437; ст. 444 УПК РФ), а также постановления о прекращении, изменении или продлении применения принудительной меры медицинского характера (п. 9 ст. 437; ч. 8 ст. 445 УПК РФ).

Невручение уполномоченными на то должностными лицами органов предварительного расследования и суда следующих судебных и следственных документов влечет предусмотренные УПК санкции, вплоть до признания недействительными данных процессуальных документов и направление уголовного дела на новое рассмотрение: 1) постановление о возбуждении уголовного дела; 2) постановление о привлечении в качестве обвиняемого; 3) постановление о применении меры пресечения; 4) обвинительное заключение; 5) обвинительный акт; 6) постановление о признании потерпевшим; 7) постановление об отказе в признании потерпевшим; 8) постановление о прекращении дела; 9) постановление о приостановлении производства по делу; 10) приговор.

Очень часто следователи, дознаватели почему-то забывают перевести обвинительное заключение на понятный обвиняемому язык и ознакомить его с обвинительным заключением. Например, Определением Краснодарского краевого суда дело по обвинению Гусейнова по п. "б" ст. 102 УК РСФСР направлено на новое расследование.

Краевой суд мотивировал свое решение тем, что Гусейнов не владеет русским языком, но следователь не удовлетворил его ходатайства, заявленного при выполнении ст. 201 УПК РСФСР, в котором он просил об обеспечении участия адвоката, владеющего азербайджанским языком. Кроме того, обвинительное заключение не было переведено на азербайджанский язык, в связи с чем Гусейнов не мог ознакомиться с ним.

На определение краевого суда государственным обвинителем был принесен частный протест, который Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 5 марта 1971 г. оставила без удовлетворения.

В то же время Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР, согласившись частично с протестом, указала, что требование суда об обеспечении участия адвоката, который владел бы азербайджанским языком, не основано на законе, так как органы следствия обеспечили участие в деле переводчика и адвоката и принесли зависящие от них меры по приглашению родственниками Гусейнова адвоката, владеющего азербайджанским языком.

Одновременно Судебная коллегия признала необходимым направить дело на новое расследование, предложив провести судебно-психиатрическую экспертизу.

Заместитель Прокурора РСФСР внес в Президиум Верховного Суда РСФСР протест, в котором ставился вопрос об отмене как определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, так и определения краевого суда и направлении дела на судебное разбирательство, поскольку перевод обвинительного заключения обеспечивается судом.

Президиум Верховного Суда РСФСР постановлением от 14 апреля 1971 г. протест оставил без удовлетворения по следующим основаниям.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР обоснованно указала в определении на то, что органы следствия обязаны были направить Гусейнова на судебно-психиатрическую экспертизу, поскольку им было совершено особо тяжкое преступление при обстоятельствах, вызывающих сомнение в его психической полноценности. Указание в протесте на то, что такая экспертиза могла быть проведена без возвращения дела на дополнительное расследование, не может быть признано убедительным, так как до направления Гусейнова на экспертизу необходимо собрать данные о том, не лечился ли Гусейнов в психиатрических лечебных учреждениях, как он вел себя на работе и с окружающими.

Краевой суд, а также Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, правильно сослались на ст. 17 УПК РСФСР, согласно которой следственные документы вручаются обвиняемому в переводе на его родной язык или на другой язык, которым он владеет. Обвинительное заключение составляется следователем и утверждается прокурором. Следовательно, оно является следственным документом.

Ссылка в протесте на то, что по смыслу ст. 237 УПК РСФСР перевод обвинительного заключения и определения распорядительного заседания обеспечивает суд, направляющий их для вручения подсудимому, ошибочно, поскольку суд пересылает для вручения подсудимому ту копию обвинительного заключения, которая следственными органами прилагается к делу при направлении его в суд. Копия же определения распорядительного заседания направляется подсудимому лишь в случае изменения судом обвинения или меры пресечения. Такое определение является судебным документом и согласно ст. 17 УПК РСФСР должно быть переведено судом на родной язык подсудимого.

Помимо указанных выше соображений, обуславливающих необходимость направления данного дела на новое расследование, имеется в виду и то, что органы следствия допустили нарушение требований ст. 201 – 203 УПК РСФСР.

Как видно из материалов дела, 17 ноября 1970 г. следователь составил протокол объявления обвиняемому об окончании предварительного следствия. В протоколе не указано, ознакомлен ли обвиняемый с участием переводчика с материалами дела, а имеется лишь запись о том, что Гусейнов от подписи отказался.

После составления этого протокола продолжались следственные действия: приобщались вещественные доказательства, 23 ноября 1970 г. Гусейнову вновь предъявлено то же самое обвинение и составлен протокол допроса обвиняемого, в котором указано, что Гусейнов от защиты, дачи показаний по существу обвинения и от подписи протокола допроса отказался. Вслед за этим приобщен протокол от 23 ноября 1970 г., в котором указано, что Гусейнов отказался знакомиться с материалами дела без участия адвоката, приглашенного из Азербайджанской ССР. Протокола же объявления об окончании предварительного следствия и о предъявлении обвиняемому и его защитнику материалов дела, как это предусмотрено ст. 203 УПК РСФСР, составлено не было. Однако следствие было закончено и составлено обвинительное заключение [55].

Анализ УПК РФ показывает, что его общие нормы, определяющие правовой статус и процессуальные права законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого (ст. 48, 426, 428), гражданского ответчика (ст. 54), представителя гражданского ответчика (ст. 55), свидетеля (ст. 56), эксперта (ст. 57), специалиста (ст. 58), не содержат каких-либо предписаний об обязательном вручении им следственных и судебных документов, а следовательно, и требований об их переводе на родной язык или язык, которым они владеют (ч. 3 ст. 18 УПК).

Однако в отдельных статьях раздела 8 УПК РФ содержатся правила об обязательном вручении перечисленным выше участникам процесса копий следственных и судебных документов. Поэтому очевидно, что в случае, когда конкретный участник уголовного процесса не владеет или недостаточно владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу, то названный в специальной норме закона процессуальный документ, подлежащий обязательному вручению, должен быть переведен ему на родной язык или на язык, которым он владеет.

Так, например, законному представителю несовершеннолетнего осужденного, не владеющему или недостаточно владеющему языком уголовного судопроизводства, должно быть переведено на родной язык или на язык, которым он владеет, постановление об освобождении судом несовершеннолетнего подсудимого от наказания с направлением его в специализированное учреждение, поскольку закон (ч. 8 ст. 432 УПК РФ) обязывает суд в течение пяти суток направить этот судебный документ несовершеннолетнему и его законному представителю.

По мнению С.П. Щербы, данные правила и процедуры должны применяться и в тех случаях, когда следственные или судебные документы обязательно вручаются другим участникам процесса по их просьбе (ходатайству), например, законным представителям подозреваемых, обвиняемых (ст. 48; ч. 2 ст. 101 УПК РФ), потерпевшим, гражданским истцам, гражданским ответчикам либо их представителям (ст. 312 УПК РФ), если они не владеют или недостаточно владеют языком уголовного судопроизводства (ст. 18 УПК РФ).

Перевод обвинительного заключения, обвинительного акта, приговора суда, а также всех других документов, которые подлежат обязательному вручению лицу, не владеющему или недостаточно владеющему языком судопроизводства, должен осуществляться дословно, без сокращений и с сохранением их структуры. При этом должно соблюдаться неизменное правило о том, что главная цель и суть перевода – это достижение его адекватности оригиналу (подлиннику). Перевод заверяется подписью переводчика [33, с. 58]. При необходимости переводчик дает лицу пояснения по содержанию переводного документа. Если лицу, не владеющему языком производства по делу, копия приговора была вручена без перевода, в результате чего лицо лишилось возможности своевременно обжаловать приговор, это рассматривается в качестве основания для восстановления пропущенного кассационного срока. Необеспечение полного перевода материалов предварительного и судебного следствия на родной язык обвиняемого, не владеющего языком судопроизводства, влечет отмену приговора.

Поскольку закон возлагает на следователя обязанность обеспечить перевод обвинительного заключения, то он в соответствии со ст. 18, 59 и 169 УПК РФ привлекает к участию в деле переводчика и поручает ему осуществить полный и точный письменный перевод этого документа на родной язык или на язык, которым владеет обвиняемый, его защитник или потерпевший, включая приложения к обвинительному заключению: 1) список лиц, подлежащих вызову в суд; 2) справку о движении уголовного дела. Для обеспечения быстрого и качественного перевода документа следственных и судебных действий следователь, дознаватель, прокурор и суд обязаны обеспечить переводчику все необходимые условия. С согласия следователя, дознавателя и прокурора переводчик может выполнять работу по переводу обвинительного заключения (обвинительного акта) и других следственных документов по месту службы или в домашних условиях. В случаях, если в обвини-

тельном заключении или в другом следственном или судебном документе содержатся сведения, составляющие государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, то их перевод должен осуществляться только в кабинете следователя или дознавателя либо в ином помещении органа предварительного расследования.

2.3. ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ УЧАСТИЕ ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ПО ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, НЕ ВЛАДЕЮЩИХ ИЛИ НЕДОСТАТОЧНО ВЛАДЕЮЩИХ ЯЗЫКОМ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Одной из важнейших уголовно-процессуальных гарантий, защищающих права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, не владеющих или недостаточно владеющих языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, является обязательное участие по данной категории уголовных дел защитника.

Обвиняемому, который не владеет языком судопроизводства, даже при участии переводчика трудно самому осуществлять право на защиту. Поэтому-то закон и допускает в этом случае обязательное участие защитника. Нас интересуют два таких случая – это обязательное участие защитника по уголовному делу, в котором подозреваемый, обвиняемый не владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу (п. 4 ч. 1 ст. 51 УПК РФ) и обязательное участие защитника в случае, если подозреваемый, обвиняемый в силу физических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту – например, если подозреваемый или обвиняемый является немым, глухим либо глухонемым (п. 3 ч. 1 ст. 51 УПК РФ). Перечисление случаев обязательного участия защитника вызвано наличием при производстве по делу ситуаций, когда обвиняемый (подозреваемый) в силу различных обстоятельств, указанных в законе, или субъективных причин не в состоянии самостоятельно осуществлять полноценную защиту своих интересов. Следует обратить внимание, что данное положение является новеллой УПК РФ. В то же время аналогичные нормы об обязательном участии защитника содержались в УПК ряда республик бывшего СССР. Такое положение содержалось, например, в ст. 44 УПК Грузинской ССР. На основании этого многие ученые-процессуалисты предлагали внести по примеру УПК Грузии аналогичную норму и в УПК РСФСР, что и было сделано [41, с. 59].

Следует обратить внимание на то, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит упоминания о физических недостатках, наличие которых у обвиняемого (подозреваемого) обуславливает обеспечение обязательного участия защитника. Предполагается, что следователь и суд решают этот вопрос в зависимости от того, может ли обладатель этих недостатков практически использовать свои субъективные права, то есть реализовать свое право на защиту.

Обязательное участие защитника может быть обеспечено как самим подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, так и иными лицами по его просьбе либо с его согласия. Если этого не произошло, то участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем, прокурором или судом. Такая обязанность возникает у дознавателя, следователя, прокурора или суда с момента, когда стало известно о том, что подозреваемый или обвиняемый не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство либо является немым, глухим или глухонемым.

Суд, следователь, дознаватель обязаны разъяснить подозреваемому или обвиняемому их процессуальные права, в том числе и право пригласить любого защитника по своему выбору (ч. 5 ст. 164, ст. 215, ст. 267, ч. 3 ст. 319 и др. УПК РФ). Подозреваемому или обвиняемому не-обходимо, по их просьбе, предоставить реальную возможность обсудить с родственниками или близкими лицами вопрос о выборе или приглашении защитника, а также заключении соглашения с ним на ведение дела. Несоблюдение этого правила может повлечь неблагоприятные последствия для расследования. Так, отменяя приговор по делу Н., надзорная инстанция указала, что он и его родители были лишены возможности своевременно заключить соглашение с каким-либо адвокатом об осуществлении защиты, поскольку Н. содержался под стражей, родственников в Брянской области, где происходило судебное разбирательство, не имел, его родители – инвалиды первой группы проживали в Челябинской области, о времени судебного рассмотрения дела им не было известно, так как письмо Н. к матери у него было изъято и приобщено к делу [59].

Необходимо помнить, что отказ от защитника со стороны подозреваемого или обвиняемого по данной категории дел не допускается. Но подозреваемый, обвиняемый вправе при производстве по уголовному делу на предварительном расследовании и в судебном разбирательстве отказаться от услуг конкретного защитника.

В случае если защитник не участвует в деле, однако имеются основания, предусмотренные ст. 51 УПК РФ, а также если подозреваемый или обвиняемый ходатайствует о допуске защитника, то судья, руководствуясь Письмом Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 1 января 2003 г., должен поступить следующим образом.

В соответствии со ст. 16 УПК РФ подозреваемому и обвиняемому право на защиту обеспечивается судом, следователем и дознавателем. В этой связи суд при рассмотрении материала в порядке ст. 108 УПК РФ обязан удовлетворить ходатайство подозреваемого или обвиняемого о допуске защитника, отвечающего требованиям ст. 49 УПК РФ.

С учетом требований ч. 2 ст. 16 УПК РФ участие защитника подозреваемого или обвиняемого в случаях, предусмотренных ст. 51 УПК РФ, обеспечивается должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу. Поскольку ходатайства об избрании меры пресечения возбуждают органы расследования, обязанность обеспечивать подозреваемого или обвиняемого защитником возложена законом на прокурора, следователя или дознавателя.

При производстве процессуальных действий может возникнуть вопрос о том, может ли защитник использовать технические средства фиксации проводимых процессуальных действий с участием переводчика, например, с целью их дальнейшей проверки.

Уголовно-процессуальный закон не решает вопроса о возможности применения адвокатом подобных технических средств, в том числе и при его участии в производстве следственных действий и в судебном следствии. Единственным упоминанием этой проблемы в УПК является указание на право защитника снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела с помощью технических средств при ознакомлении с ним по окончании предварительного расследования (п. 7 ч. 1 ст. 53 УПК). Кроме того, обратим внимание на то, что законодатель в ч. 5 ст. 241 УПК РФ разрешает проведение фотографиро-

вания, видеозаписи и (или) киносъемки с разрешения председательствующего в судебном заседании и с согласия сторон, а также указывает, что проведение аудиозаписи не допускается, если это создает препятствия для судебного разбирательства. Однако эти предписания относятся не к участникам судопроизводства, а к лицам, участвующим в открытом судебном заседании. В ст. 259 УПК РФ говорится о том, что для обеспечения полноты протокола судебного заседания могут быть использованы технические средства, и что если в ходе судебного заседания проводились фотографирование, аудио- и (или) видеозапись, киносъемка, то это должно быть отражено в протоколе судебного заседания, материалы применения этих технических средств должны быть приложены к материалам уголовного дела, касаются применения технических средств по инициативе самого суда.

Поэтому, исходя из общеправового принципа "разрешено все, что не запрещено", относящегося и к работе защитника, нет каких-либо законодательных или теоретических препятствий для их использования. В первую очередь, это относится к возможности применения адвокатом технических средств фиксации хода и результатов действия, проводимого с его участием, таких, как диктофон или видеоманитофон. При этом, однако, следует иметь в виду, что произведенные защитником аудио- и видеозаписи не имеют непосредственного доказательственного значения. Использованы они могут быть лишь в целях обоснования заявляемых ходатайств и жалоб по поводу проведенного действия, а также для оперативного анализа защитником процесса, результатов действия и материалов дела в целом.

В настоящее время, думается, реально можно говорить преимущественно лишь о применении защитником диктофона. Готовясь к участию в производстве действий следственного характера, адвокат должен обдумать рациональность использования подобной техники и при положительном о том выводе ее подготовить. Сразу же следует отметить, что применение защитником диктофона может вызвать возражение следователя или суда, более того, повлечь возникновение конфликтной ситуации между ними. Для предупреждения этого защитник, как представляется, должен на подготовительном этапе согласовать свое решение о применении диктофона со следователем или судьей. Думается, что без согласия на то следователя или судьи защитник не должен использовать технические средства. Однако если следователь (судья, суд) отказали защитнику в возможности использовать диктофон, последний должен требовать отражения факта такого решения в протоколе данного следственного действия (судебного заседания). Цель этого понятна – обоснование, "документирование" факта, который в некоторых ситуациях можно рассматривать как ущемление права обвиняемого на защиту.

По мнению М.О. Баева, достаточно широко защитнику следует использовать технические средства при собирании им доказательств в порядке ч. 3 ст. 86 УПК. В частности, рациональным по очевидным на то причинам является полная диктофонная или видеозапись опроса адвокатом свидетелей и других лиц, располагающих интересующей его информацией по делу [15, с. 206–207].

Следует также сказать несколько слов о возможности использования защитником факта неведения или недостаточного владения подозреваемым или обвиняемым языком уголовного судопроизводства в целях затягивания расследования. В литературе выработаны следующие условия допустимости тактического приема:

- законность, то есть соответствие средства букве и духу закона;
- избирательность, то есть возможность воздействия используемого тактического средства лишь на определенных лиц и нейтральность его по отношению к остальным;
- этичность, то есть соответствие тактического средства принципам морали, нравственности, общей и судебной этики [15, с. 168].

Поэтому представляется, что используемый адвокатами указанный тактический прием является вполне правомерным, так как полностью отвечает приведенным выше критериям.

Роль адвоката в суде определяется во многом произнесением речи в защиту подсудимого. В то же время адвокат активно участвует в допросе свидетелей и потерпевших в суде с целью получения полных, правдивых, объективных и отражающих истину показаний. Поэтому он также заинтересован в квалифицированном переводе речи своего подзащитного, а также других участников уголовного процесса (потерпевшего, свидетеля, специалиста, эксперта, если он составлял в силу разного рода обстоятельств свое заключение на другом языке, нежели тот, на котором ведется судебное разбирательство). Защитник вправе и обязан следить за тем, чтобы переводчик оставался независимым участником уголовного процесса, чтобы на него не оказывалось давление с чьей-либо стороны.

Обязательное участие на предварительном расследовании и судебном разбирательстве защитника выступает также в качестве элемента механизма реализации принципов состязательности и равноправия сторон, закрепленных в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ и ст. 15 УПК РФ.

3. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С УЧАСТИЕМ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ

3.1. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАНЦЕВ

Интеграция России в мировое сообщество, вступление нашей страны в Совет Европы, расширение взаимных экономических, научных, культурных и других связей, а также усиление миграционных процессов населения, к сожалению, сопровождаются ростом числа преступлений, совершаемых иностранцами или лицами без гражданства либо в отношении иностранцев и лиц без гражданства.

Согласно Федеральному закону от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ "О гражданстве Российской Федерации", иностранный гражданин – лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее гражданство (подданство) иностранного государства [6]. Лицо без гражданства – лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательства наличия гражданства иностранного государства (п. 1 ст. 2 ФЗ от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации") [7].

В соответствии с ч. 3 ст. 62 Конституции РФ иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ, кроме случаев, предусмотренных федеральным законом или международным договором РФ. Принцип равенства перед законом российских и иностранных граждан лежит также и в основе уголовно-процессуального законодательства России. Так, в ч. 1 ст. 3 УПК РФ предусмотрено, что производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных иностранными гражданами или лицами без гражданства на территории РФ, ведется в соответствии с правилами, закрепленными в УПК. Как видно, в ч. 1 ст. 3 УПК РФ установлен общий порядок производства по уголовным делам в отношении иностранцев и лиц без гражданства.

Вместе с тем закон предусматривает исключения для лиц, обладающих правом дипломатической неприкосновенности. Вовлечение указанных лиц в сферу уголовного судопроизводства возможно только на добровольных началах. Именно поэтому все процессуальные действия в отношении данных лиц производятся лишь по их просьбе или с их согласия, которое испрашивается через Министерство иностранных дел РФ.

На иностранцев и лиц без гражданства полностью распространяются требования УПК о языке уголовного судопроизводства.

Основной особенностью принципа языка уголовного судопроизводства в отношении иностранцев или лиц без гражданства состоит прежде всего в том, что в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства дознавателям, следователям, прокурорам и судьям приходится изначально решать вопрос об обязательном привлечении к участию в деле переводчиков, владеющих одновременно русским языком и различными иностранными языками, которыми пользуются данные участники процесса.

По делам с участием иностранцев целесообразно, а в некоторых случаях просто необходимо привлекать МИД РФ для оказания соответствующий юридической помощи либо отправки или получения запросов.

Уже в стадии возбуждения уголовного дела о преступлениях, совершаемых иностранцами или против иностранцев, дознаватель, следователь, помимо общих вопросов, разрешаемых по правилам, закрепленных в ст. 140 – 149 УПК РФ, обязан в самом начале проверки заявления или сообщения о преступлении выяснить следующие специфические обстоятельства: 1) владеет ли данное лицо (жертва преступления или предполагаемый подозреваемый) русским языком или государственным языком республики, входящей в РФ; 2) нуждается ли иностранный гражданин или лицо без гражданства в помощи переводчика; 3) на каком именно – родном или другом языке он желает делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства по обстоятельствам дела; 4) каков правовой статус находящегося в России иностранца, совершившего преступления или пострадавшего от преступления; 5) обладает ли иностранец привилегиями и иммунитетами от уголовной юрисдикции на территории РФ, какими именно и в каких пределах; 6) имеется ли необходимость продления срока пребывания иностранца в России в связи с совершением преступления; 7) на совершение каких следственных и процессуальных действий, производимых лишь по просьбе или с согласия лиц, обладающих дипломатической неприкосновенностью, потребуются испрашивать разрешение через МИД РФ; 8) имеется ли необходимость совершения отдельных следственных или процессуальных действий на территории иностранного государства в связи с производством по данному уголовному делу и в какой компетентный орган следует направить запрос об оказании правовой помощи; 9) потребуются ли участие переводчика на всем протяжении производства по уголовному делу или только на время выполнения отдельных следственных или процессуальных действий; 10) подлежит ли удовлетворению отказ иностранца от помощи переводчика по мотивам того, что он свободно владеет русским языком и изъявил желание пользоваться им при производстве по уголовному делу; 11) насколько свободно иностранец владеет русским языком (активно разговаривает, читает, пишет или только понимает на бытовом уровне) и на чем основан такой отказ (специально изучал русский язык и использует его в своей работе, самостоятельно освоил русский язык, продолжительное время жил и общался на нем в России, сам является профессиональным переводчиком русского языка и т.п.) [50, с. 239 – 241].

Результаты обобщения и изучения судебной практики показывают, что несвоевременное разрешение перечисленных вопросов по уголовным делам в отношении иностранцев существенно затрудняет установление обстоятельств преступления либо влечет нарушение требований закона, в том числе о языке судопроизводства. Более того, отступления от установленного в законе порядка использования языка судопроизводства и делопроизводства в органах предварительного расследования являются основанием не только для отмены судебного решения, но и всех других процессуальных решений, принимаемых по делам, находящимся в их производстве [65].

В случае, если иностранец – свидетель, потерпевший, подозреваемый или обвиняемый – отказывается от бесплатной помощи переводчика и заявляет, что будет участвовать в производстве следственных действий, используя язык российского судопроизводства (ч. 1 ст. 18 УПК РФ), то в протоколе его допроса необходимо указать, что реально ему был назначен конкретный переводчик, и что он в присутствии последнего отказался от его услуг по мотивам, которые должны быть подробно изложены в протоколе. Мотивированный отказ такого участника процесса от бесплатной помощи приглашенного (назначенного) переводчика по тем основаниям, что лицо свободно владеет языком судопроизводства, желательно в каждом случае оформлять его письменным заявлением, адресованным следователю, дознавателю или суду. Окончательное решение о том, что следственные и судебные действия с участием иностранца могут производиться без помощи переводчика, поскольку данное лицо свободно владеет языком судопроизводства, принимает дознаватель, следователь, суд (судья) в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством. Однако факт отказа иностранца от переводчика по мотивам знания им языка уголовного судопроизводства сам по себе не может выступать поводом для непредоставления иностранному гражданину квалифицированных услуг переводчика. Лицо, производящее предварительное расследования либо суд, должно убедиться в том, что уровень познания иностранного гражданина либо лица без гражданства достаточен для того, чтобы понимать значение совершаемых следственных и судебных действий в уголовном процессе и адекватно реагировать на них.

Все процессуальные и судебные действия по делам с участием иностранных граждан либо лиц без гражданства следует проводить в максимально короткие сроки, так как в случае их задержки проведение указанных действий может оказаться затруднительным либо попросту невозможным. При производстве следственных и судебных действий желательно тщательно изучить личность иностранца. Следователь должен тщательно готовиться при производстве следственных действий с участием данной категории лиц: тщательно изучить материалы уголовного дела, определить круг вопросов, которые нужно задать иностранцу, их форму. Редакция планируемых вопросов должна выбираться с учетом того, что во время следственных действий они будут переведены на язык допрашиваемого. Нельзя поэтому злоупотреблять образными выражениями, иносказаниями, идиоматическими оборотами и другими словесными формами, которые затрудняют перевод вопросов на язык допрашиваемого и тем самым их понимание иностранцем [17, с. 30]. Следует подчеркнуто уважительно относиться к иностранцу, не допускать оскорблений в его адрес, попытаться наладить психологический контакт с ним.

Возможно использование помощи переводчика по уголовным делам в отношении иностранцев. Например, следователь может побеседовать с переводчиком по поводу правильности вопросов, которые он хочет задать иностранцу, их формы и содержания. Следователь может также познакомить переводчика с целями проводимого следственного действия, его примерным планом, а в необходимых случаях и с характером расследуемого события. Переводчик может сообщить некоторые сведения о культуре и менталитете той народности, к которой относится иностранец. Если переводчик исполнял обязанности гида, сопровождающего, старшего туристической группы, он может сообщить следователю важные сведения о личности и привычках иностранного гражданина. В то же время иностранец в присутствии уже знакомого ему переводчика будет чувствовать себя более свободно, и отношения его со следователем скорее станут доверительными [18, с. 16].

Кроме того, следует учитывать тот факт, что незнание лицом языка уголовного судопроизводства является основанием для назначения подозреваемому и обвиняемому в обязательном порядке защитника (п. 4 ч. 1 ст. 51 УПК РФ).

Особенности проведения следственных и судебных действий характерны также для лиц, обладающих иммунитетами и привилегиями.

В отличие от старого УПК РСФСР, в ч. 2 ст. 3 нового УПК РФ закреплено правило о возможности совершения процессуальных действий в отношении лиц, обладающих дипломатической неприкосновенностью. Однако закон специально оговаривает, что совершение процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ, в отношении лиц, обладающих правом дипломатической неприкосновенности, на территории России, возможно лишь только по просьбе указанных лиц или с их согласия, которое испрашивается через МИД РФ по правилам, закрепленным в ч. 3 ст. 453 и ст. 454 УПК РФ.

В соответствии со ст. 1, 29, 31, 32 – 37 Венской конвенции о дипломатических сношениях (1961 г.) правом дипломатической неприкосновенности обладают: 1) главы дипломатических представительств, члены дипломатического персонала представительства; 2) члены их семей, если они не являются гражданами государства пребывания; 3) члены административно-технического персонала представительства и члены их семей, живущие вместе с ними, если они не являются гражданами государства пребывания или не проживают в нем постоянно; 4) члены обслуживающего персонала представительства, которые не являются гражданами государства пребывания или не проживают в нем постоянно, в отношении действий, совершаемых ими при исполнении своих обязанностей. К дипломатическим агентам также приравниваются представители некоторых международных организаций (например, ООН).

Таким образом, если при производстве по уголовному делу будет установлено, что лицо, совершившее преступление, является иностранным гражданином, обладающим дипломатическими привилегиями и иммунитетами, то для дознавателя, следователя и суда приоритетными в применении становятся правила международного договора (ч. 3 ст. 1 УПК РФ), которые устанавливают изъятия из общих правил (ч. 2 ст. 3 УПК РФ).

Это фундаментальное положение законодательства России об уголовном судопроизводстве диктует необходимость соблюдать по делам в отношении иностранцев следующие разработанные и апробированные на практике процессуальные процедуры: 1) при наличии у иностранного гражданина дипломатических привилегий следует обязательно отражать в каждом процессуальном документе его просьбу или согласие на проведение с ним данного действия, причем удостоверить такую просьбу (согласие) его подписью до начала проведения самого действия; 2) в случае использования дипломатическим сотрудникам его права убить с места происшествия или при его отказе от дачи показаний необходимо в соответствующем протоколе сделать отметку о том, что иностранцу было предложено участвовать в том или ином процессуальном действии, и он отказался; 3) при отказе дипломатического сотрудника от подписи в процессуальном документе необходимо сделать отметку в порядке ст. 167 УПК РФ об отказе от подписи с изложением сообщенных иностранцем мотивом отказа; 4) в процессуальных документах следует указывать точные реквизиты и сроки действия документов, удостоверяющих личность иностранца, адреса его местонахождения в России и за границей.

С целью выяснения отдельных материалов уголовного дела в отношении или с участием иностранных граждан могут направляться запросы в государство – страну пребывания иностранца, а также в Интерпол.

Для успешного раскрытия преступлений, совершаемых иностранцами или против иностранцев, а также лиц без гражданства, следует помнить следующие правила. Все следственные действия, которые не требуют участия иностранца, проводятся по принятой процессуальной процедуре. Определенные сложности могут возникнуть, если иностранец – потерпевший или свидетель – уже выехал за пределы России. Это в первую очередь касается предъявления для опознания людей или предметов. Здесь возможны два варианта: использовать фото- или видеоизображения, направив их по месту нахождения иностранца через соответствующие инстанции, если с данной страной подписан договор о правовой помощи (если такого договора нет, то это действие может быть осуществлено через Интерпол); идентифицировать объект по описанию, имеющемуся в протоколе допроса иностранца, если таковой был проведен. Не исключено, что для подтверждения вывода следователя о тождестве может потребоваться проведение соответствующей экспертизы (если вещи не имеют номеров и бесспорных индивидуальных признаков).

Особое значение имеет допрос иностранца – потерпевшего или свидетеля. При краткосрочном его пребывании в нашей стране он должен быть проведен оперативно, становясь фактически неотложным следственным действием. Время и место допроса определяются с учетом этого обстоятельства и местонахождения иностранца; так, возможно срочное направление отдельного требования о его допросе.

Как уже отмечалось выше, вызов на допрос иностранцев, прибывших в нашу страну в составе туристических групп, различного рода представительств, экскурсий, рекомендуется осуществлять через руководителей данных туристических групп и представительств. Учащиеся могут быть вызваны через администрацию учебных заведений, землячества и иные организации, в которые они входят. Пребывающие в России на постоянной основе специалисты и рабочие могут быть вызваны через администрацию фирм или учреждений, которые их пригласили на работу в Россию или где они непосредственно работают. При этом следователь должен продумать вопрос о том, как иностранец, не знающий языка и города, сможет отыскать место проведения допроса и иных следственных и судебных действий.

Помимо переводчика, при допросе может присутствовать адвокат и, по просьбе допрашиваемого, сотрудник консульского или дипломатического представительства его страны. Все переговоры о месте, времени допроса с участием этих лиц ведутся руководителем следственного подразделения только через МИД.

Ходатайства иностранца-подозреваемого о присутствии на допросе дипломатического или консульского сотрудника рассматриваются в соответствии с гл. 15 УПК РФ. При полном или частичном отказе в удовлетворении ходатайства следователь обязан мотивировать это специальным постановлением; при удовлетворении ходатайства просьба о присутствии представителя направляется через органы МИДа. При необходимости провести повторный допрос процедура такого вызова повторяется.

Подготовка к допросу должна включать в себя составление плана. Целесообразно наиболее существенные вопросы заранее перевести на тот язык, на котором будут даваться показания, и, возможно, даже убедиться в адекватности перевода. Если предполагается предъявлять при допросе документы, то та часть их содержания, которая существенна для дела, также может быть заблаговременно переведена. То же относится и к вещественным доказательствам: заранее должен быть сделан перевод их наименований и обозначений на них, фрагментов протоколов осмотра или обыска, при котором они были обнаружены. Такой заблаговременный перевод обеспечит необходимый тактический эффект при внезапном для допрашиваемого предъявлении этих объектов.

Допрос иностранца целесообразно, помимо протокола, фиксировать с помощью магнитофонной или видеоманитофонной записи. Это тем более важно при проведении очной ставки между иностранцами или с участием иностранца.

Решая вопрос об участии переводчика, следователь должен учитывать, что в наше время лица, проживающие в странах СНГ, могут не владеть языком места проживания, что характерно для русскоязычного населения этих (и других) стран. Естественно, что в подобных случаях они выражают желание давать показания на русском языке, и это должно быть зафиксировано в протоколе допроса.

Может возникнуть ситуация, когда следователь владеет языком, на котором желает давать показания иностранец. Закон не запрещает вести допрос на этом языке, если следователь владеет им свободно, что, разумеется, значительно упрощает общение с допрашиваемым, способствует установлению психологического контакта, доверительных отношений. Но при этом высказываются рекомендации составлять на данном же языке и протокол допроса, а впоследствии с помощью приглашенного переводчика перевести протокол на язык судопроизводства и приобщить независимый перевод к делу. Желание допрашиваемого давать показания через переводчика или без него обязательно отражается в протоколе допроса.

При допросе иностранца – свидетеля или потерпевшего, не пользующегося иммунитетом, следователь предупреждает его об уголовной ответственности за отказ от показаний и за дачу ложных показаний. Это предупреждение удостоверяется его подписью в протоколе допроса. Если допрашивается лицо, обладающее иммунитетом, то, очевидно, предупреждать его об ответственности за отказ давать показания не имеет смысла. Что же касается ответственности за ложные показания, то это возможно, поскольку вопрос о такой ответственности будет решаться дипломатическим путем, то есть предупреждение приобретает тактический смысл. Следует также иметь в виду, что присяга, принятая в ряде стран как средство подтвердить правдивость показаний, по законодательству России не допускается, что и должно быть разъяснено иностранцу.

Формулировка вопросов, которые задаются допрашиваемому после свободного рассказа, не должна допускать различных толкований. Следует избегать идиоматических выражений, пословиц и поговорок, смысл которых недоступен допрашиваемому и не может быть точно разъяснен при переводе.

Известные сложности возникают при проведении очной ставки. Ее участниками могут оказаться иностранцы, говорящие на разных языках, и в этом случае потребуются два переводчика и двойной перевод. Если же оба участника очной ставки говорят на одном языке, то следователь, не знающий этого языка, должен предупредить возможность сговора. Об этом необходимо сказать переводчику, вменив ему в обязанность пресекать всякое общение участников очной ставки друг с другом, минуя следователя. Поэтому такое следственное действие, как очная ставка, должна быть тщательно подготовлена как с

организационной, так и с доказательственной стороны. В случае, если участники очной ставки говорят на разных языках, то следует помнить, что при таких условиях подозреваемый очень редко меняет свои показания на правдивые. Поэтому очную ставку в данном случае следует проводить только в крайних случаях.

Производство судебных экспертиз может потребовать получения от проходящих по делу лиц образцов для сравнительного исследования. Если такие лица не пользуются иммунитетом, то данная процедура не выходит за рамки ст. 202 УПК РФ, но при этом следует иметь в виду следующее существенное обстоятельство. Обычай и суеверия некоторых стран не допускают передачи посторонним каких-либо продуктов жизнедеятельности человека, в том числе волос, крови, спермы, срезов ногтей и т.п. По распространенным поверьям, все это может быть использовано непосредственно или с помощью магии во вред человеку. Поэтому попытки получить образцы могут встретить немотивированное с точки зрения следователя противодействие, а принудительные меры (в допустимых законом случаях) приведут к острому конфликту, способному существенно осложнить весь процесс расследования.

Столкнувшись с подобным противодействием, следователь должен выяснить его причины, и если они лежат в обрядовой или культовой области, путем обстоятельных разъяснений попытаться изменить занятую субъектом позицию. Это можно сделать, пригласив авторитетных для иностранца лиц из числа единоверцев или земляков, придерживающихся современных взглядов.

При назначении экспертиз иностранец – подозреваемый или обвиняемый – должен иметь возможность ознакомиться с переводом постановления, ему обязательно должны быть разъяснены его права, а заявленные им ходатайства – внимательно рассмотрены. В том же порядке его следует ознакомить с заключением эксперта и разъяснить его права ходатайствовать о назначении дополнительной или повторной экспертизы [14, с. 936 – 938].

Ознакомление обвиняемого иностранца с материалами законченного производства осуществляется по общим правилам с участием переводчика.

Следует обратить внимание также на то, что иностранцы, даже хорошо запомнившие предметы наблюдавшегося ими преступника, затрудняются описать его внешность. Во многом это объясняется определенной трудностью общения иностранца со следователем в силу незнания или плохого знания им языка судопроизводства. Поэтому фотороботы, составленные иностранцами, а тем более словесный портрет, составленный с их слов, хотя и обязательно должны использоваться при проведении предварительного расследования и осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, однако относиться к ним нужно с определенной долей скепсиса.

При опознании иностранца может возникнуть вопрос об участии в следственном действии понятых из числа граждан иностранных государств. С ходатайством об этом могут обратиться либо сам опознаваемый, либо другие иностранцы, знающие о предполагаемом опознании (дипломатические или консульские должностные лица, родственники опознаваемого, его коллеги по работе или учебе и т.д.). Уголовно-процессуальный закон не предусматривает и не регулирует такую ситуацию. В то же время он прямо не устанавливает гражданства понятых в российском уголовном процессе. В связи с этим возникает вопрос: имеются ли основания для удовлетворения вышеуказанного ходатайства?

Уголовно-процессуальный закон гласит, что в качестве понятых могут быть вызваны любые не заинтересованные в деле граждане. Таким образом, приглашение иностранных граждан в качестве понятых в принципе не противоречит уголовно-процессуальному закону, но только в том случае, если они действительно не заинтересованы в исходе дела. Именно поэтому не следует приглашать в качестве понятых тех иностранцев, которые ходатайствуют об этом. Сам факт такого ходатайства уже свидетельствует об их заинтересованности в исходе дела и ставит под сомнение их объективность. В то же время нет формальных препятствий к тому, чтобы пригласить в качестве понятых граждан иностранного государства, которые действительно не имеют заинтересованности в деле и могут быть беспристрастны. Лучше, чтобы они не знали опознаваемого и не имели с ним ранее точек соприкосновения (работа в одном учреждении, обучение в одном учебном заведении и т.д.).

При подборе понятых надо учитывать реальную возможность выполнения иностранцами этой процессуальной роли. В соответствии с уголовно-процессуальным законом понятой обязан удостоверить факт, содержание и результат процессуального действия. С учетом этого в качестве понятых целесообразно приглашать иностранцев, владеющих языком судопроизводства. Это позволит им реально наблюдать за ходом действия, правильно понимать его содержание и правовые последствия.

Нельзя приглашать в качестве понятых иностранцев, которые в скором времени должны будут покинуть РФ. Удостоверительные функции понятого могут реализовываться не только в момент производства процессуального действия и сразу после него, но и в последующем, например, при судебном разбирательстве. Понятно, что понятой-иностранец, который покинет Россию, в будущем не сможет выполнить указанную функцию, поэтому и участие его в качестве понятого при производстве опознания, как и любого другого процессуального действия, лишено смысла [18, с. 23–24].

Резюмируя сказанное, важно отметить, что участники уголовного процесса со стороны обвинения и суд должны тщательно соблюдать права, свободы и законные интересы иностранных граждан и лиц без гражданства на территории РФ.

3.2. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ ГЛУХИХ, НЕМЫХ И ГЛУХОНЕМЫХ

Судебные и досудебные стадии разбирательства уголовных дел о преступлениях глухих, немых и глухонемых, а также дел с участием свидетелей и потерпевших, имеющих указанные физические недостатки, вызывает на практике большие трудности. Они обусловлены не только особенностями психологии лиц с дефектами слуха и речи, но и тем, что без переводчика невозможно успешное осуществление правосудия по таким делам. Через переводчика осуществляется речевая связь между глухими и слышащими, выясняются и исследуются обстоятельства дела, фиксируется ход судебного разбирательства.

В этой связи большое практическое значение имеет изучение процессуальных, психологических и тактических особенностей реализации языка уголовного судопроизводства с участием глухих, немых и глухонемых.

Действовавший ранее УПК РСФСР не предусматривал специальных норм, регулирующих особенности перевода речи лиц, страдающих дефектами речи и слуха. В новом УПК в ст. 59 "Переводчик" была введена ч. 6, в которой говорится о том, что правила об участии переводчика в разбирательстве уголовных дел также "распространяются на лицо, владеющее навыками сурдоперевода и приглашенное для участия в производстве по уголовному делу". Однако конкретных правил, в которых были бы видны особенности преломления языка уголовного судопроизводства с участием лиц, страдающих физическими недостатками, исключающих им возможность нормально общаться с помощью речи, действующий УПК не устанавливает. В учебной литературе конкретных пояснений или вообще не приводится [44, с. 164–165; 33, с. 140–141; 34 с. 69–70], либо авторы соответствующих изданий попросту перепечатают данную норму УПК РФ, не комментируя ее надлежащим образом [46, с. 167].

Глухонемые, как правило, владеют двумя языками – жестовым и государственным языком своей республики в письменной или устной форме. Такое двуязычие в международной практике именуется билингвизмом. Учитывая социальные, гуманитарные и правовые аспекты этого явления, Всемирная организация глухих (ВОГ) уже давно постановила, что для них жестовый язык общения должен рассматриваться как первый, а язык государственный как второй [50, с. 286]. Эти рекомендации авторитетной международной организации восприняты в большинстве цивилизованных стран и отражаются в национальных законодательствах. К сожалению, ни в Законе РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 "О языках народов Российской Федерации", ни в Федеральном законе от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ "О государственном языке Российской Федерации" указанная проблема не нашла признания и правового разрешения [5; 10]. Количество жестов в языке глухонемых ни в какое сравнение не идет с богатством лексики русского или иного языка. Хорошо обученные глухонемые общаются между собой и переводчиком, "читая с губ", либо используют дактильную речь (ручную азбуку), которая обеспечивает в большей степени точность перевода информации. Поэтому дознавателю, следователю, прокурору или суду для выяснения всех обстоятельств уголовного дела и принятия по нему законного, обоснованного и справедливого решения необходимо соблюдать ряд следующих правил.

Следователь, дознаватель в порядке, установленном законом, вправе вызвать для участия в уголовном процессе любое лицо, понимающее жесто-мимическую или дактильную речь или владеющее навыками сурдоперевода. С этой целью можно обратиться в подразделения МВД РФ, где имеются штатные переводчики глухонемых, например, в ГУВД Москвы, в общество глухих, учебно-производственные комбинаты глухих, специальные училища и школы, на кафедры сурдопедагогики, в научно-исследовательские институты дефектологии, в Головной научно-исследовательский и методический Центр комплексной реабилитации инвалидов и иных лиц с дефектами слуха МГТУ им. Н.Э. Баумана, в Российский реабилитационный центр для инвалидов.

В суд целесообразно вызывать тех переводчиков, которые участвовали в проведении дознания и предварительного следствия по данному уголовному делу. Это связано с тем, что переводчик уже знает особенности мимики и жестов конкретного лица (подсудимого, потерпевшего, свидетеля), его способности и особенности к восприятию обратного перевода. Следует также учесть, что между данными лицами уже установлен определенный психологический контакт. Да и лицо, страдающее указанными физическими недостатками, при производстве каких-либо следственных действий будет вести себя более раскованно и уверенно, допускать меньше ошибок и, таким образом, сможет сообщить больше информации, интересующей следствие и суд. По делам, в которых принимают участие несовершеннолетние, целесообразно вызывать в качестве переводчиков то лицо, которое хорошо знает особенности психики несовершеннолетних, имеет или имело непосредственное отношение к воспитательной работе среди глухонемых, работая дефектологом, сурдопедагогом, методистом, инструктором-переводчиком и т.п.

При производстве дознания и предварительного следствия, а также судебного следствия, необходимо устанавливать личность переводчика, выяснить общее и специальное образование, где он обучался мимике и жестам, стаж работы переводчиком, умение общаться с глухонемыми посредством жесто-мимической и дактильной речи, способность вести обратный перевод, то есть переводить язык глухонемых на обычную разговорную речь, и наоборот, а также замечания относительно обстановки места проведения допроса или иного следственного действия. Кроме того, в протоколах допросов и протоколе судебного заседания целесообразно указывать, с помощью какой речи – жесто-мимической или дактильной был допрошен подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, свидетель или потерпевший, что в судебно-следственной практике, к сожалению, встречается только в единичных случаях. Перечисленные выше данные о переводчике дознаватель, следователь и суд должны сообщить подозреваемому, обвиняемому и другим участникам уголовного процесса, а также выяснить, нет ли у них каких-либо оснований для его отвода. При этом следует подробно разъяснить переводчику его обязанности и права, уточнить, понятны ли они ему и нет ли у него каких-либо замечаний по существу уголовного дела. В связи с данным обстоятельством, переводчика необходимо ввести в курс дела (пусть даже и в самой общей форме, что, конечно же, не вполне желательно), разъяснить, какие обстоятельства должны подлежать или подлежат выяснению в ходе производства следственного действия. Как и переводчик национального языка он предупреждается об уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, то есть за заведомо ложный перевод, о чем у него немедленно отбирается соответствующая подписка.

При расследовании уголовного дела, в котором в качестве участников в той или иной форме проходят немые, глухие или глухонемые, целесообразно соблюдать определенные тактические правила в ходе расследования по делу, проведения следственных и судебных действий. Применение указанных правил значительно ускорит процесс расследования и будет способствовать установлению объективной истины по делу.

Все следственные и судебные действия с участием немых, глухих и глухонемых желательно проводить днем (ч. 3 ст. 164 УПК РФ), потому что вечером эмоциональное состояние их неблагоприятно для воспроизведения фактических обстоятельств дела. У большинства немых, глухих, слепых, глухонемых в такое время ослабляется воля, они не способны четко выражать свои мысли, облекать их в мимику и жесты. В таком случае они не в состоянии дать полные и достоверные пока-

зания. По делам данной категории лиц обязательно участие переводчика, который понимал их мимику и жесты. Его отсутствие может привести к тому, что истина по данному делу установлена не будет.

В случае затруднений, возникающих при допросе и переводе показаний глухонемых, суд должен вызвать специалиста, который обязан: дать пояснения о том, какой речью лучше владеет глухонемой; насколько правильно осуществляется перевод мимики и жестов глухонемого переводчиком и полностью ли понимает его соответствующий участник процесса; рекомендовать суду способы переключения внимания глухонемых с целью получения достоверных показаний; правильно сформулировать вопрос глухонемому для более удачной передачи его мимикой и жестами; оказать помощь суду в формулировании показаний с сохранением тех особенностей речи, которые характерны для глухонемого. Участие специалиста – в суде при допросах глухонемых – существенная гарантия получения объективной информации об обстоятельствах совершаемого преступления [50, с. 13].

При переводе показаний глухонемых следует помнить, что подсудимые, свидетели, потерпевшие рассказывают об обстоятельствах дела, недоступных их восприятию, пытаются восполнить оставшиеся вне восприятия явления путем мысленно-логической интерпретации. Делается это не умышленно. Это результат компенсации физических недостатков. Все они стремятся восполнить оставшиеся вне восприятия явления путем абстрактно-мысленно-логической интерпретации [51, с. 57]. В этой ситуации суд обязан напомнить глухонемому, что он должен рассказать о том, что он совершил и видел, не подменяя это суждениями о вероятных действиях других лиц. Показания подсудимого о том, что он не мог сделать или воспринять в силу физического недостатка, должны всегда тщательно проверяться. Тщательно должны быть проверены и показания свидетелей (потерпевших) о действиях глухонемого, которые он не мог совершить из-за физического недостатка. Так, например, по делу глухонемых А. и Ш. оказались совершенно голословны показания потерпевших о том, что подсудимые выражались нецензурными словами и оскорбляли работников милиции [49, с. 15].

В суд целесообразно вызывать тех переводчиков, которые участвовали в ходе дознания и предварительного следствия, поскольку они уже знают особенности мимики и жестов конкретного лица (обвиняемого, подозреваемого, свидетеля, потерпевшего), его особенности воспринимать обратный перевод. По делам несовершеннолетних предпочтительно вызывать в качестве переводчиков лиц, хорошо знающих особенности психики подростков, имеющих непосредственное отношение к воспитательной работе среди глухонемых (сурдопедагогов, дефектологов, инструкторов-переводчиков, методистов и др.) [50, с. 292]. В данном случае практика отходит от одного из положений УПК о процессуальной независимости и несвязанности переводчика с иными участниками процесса. Глухонемому подозреваемому, обвиняемому, свидетелю, потерпевшему и другому лицу иногда целесообразно дать возможность самому избрать такого переводчика, которому он полностью доверяет и которого полностью понимает, свободно с ним общается. Это может преодолеть свойственную глухим, немым и глухонемым недоверчивость, подозрительность, раздражительность, а иной раз и боязливость. При этом лучше всего предоставить глухонемому такого переводчика, с которым он находится в постоянном общении в повседневной жизни и знает его мимические особенности.

В некоторых случаях глухонемой, не обучавшийся жестомимической речи, не может общаться с переводчиком, он понимает жесты и мимику только определенных лиц, находящихся с ним в постоянном контакте. Ими могут быть родные, сослуживцы, попечители, опекуны, знакомые глухонемого, которые понимают его индивидуальные жесты и правильно их истолковывают – так называемые толмачи. Участие толмачей по уголовным делам предусматривалось в ст. 140 УПК РСФСР 1922 г. [12]. О необходимости их приглашения для общения с глухонемыми сказано и в циркуляре Народного Комиссариата Юстиции РСФСР от 13 августа 1922 г. Приглашение таких лиц в качестве переводчиков таит опасность заведомо выгодного для обвиняемого перевода, однако следователь или суд вынуждены идти на это, ибо участие толмачей – единственный способ получения показаний от необученных глухонемых. Поэтому, с нашей точки зрения, в действующем УПК РФ следует закрепить статус толмачей в качестве переводчиков с участием глухонемых, не обученных жестомимической речи.

По делу глухонемого, который вообще не общается знаками, дознаватель и следователь могут прибегнуть к постановке вопросов и получению ответов в письменной форме. Письменная форма допроса грамотного глухонемого также достаточно эффективна. К тому же законодатель не запрещает письменную форму допроса. Но в каждом случае переводчик должен быть назначен для участия в деле и присутствовать в течение всего следственного действия с тем, чтобы глухонемой при желании мог в любой момент воспользоваться его помощью. Несоблюдение этого правила может привести к отмене приговора [65].

Если предстоит получение показаний от глухонемого, который знает жестомимическую и дактильную речь, то целесообразно для допроса приглашать двух переводчиков: одного – владеющего мимикой и жестами, а второго – дактильной речью. Таким способом можно более подробно и последовательно допросить глухого, немого или глухонемого участника процесса.

Вопрос об участии переводчика в допросе тесно связан с правом подсудимого на его отвод. Правила об отводе переводчиков изложены в ст. 69 УПК РФ. Эти требования закона распространяются и на переводчиков немых, глухих и глухонемых. Переводчик не может участвовать в производстве по делу при наличии оснований, предусмотренных в ст. 61 УПК РФ, а равно в случаях, когда обнаружится его некомпетентность. Практике известны случаи, когда в суд приглашались переводчики глухонемых, которые плохо знали жестомимическую речь или не могли вести обратный перевод, то есть переводить жестомимические объяснения глухонемого на звуковой язык. Иногда в качестве переводчиков необоснованно приглашают лиц с плохим слухом, забывая о том, что перевод словесной разговорной речи в таком случае будет сопровождаться неточностями и искажениями. С другой стороны, плохое понимание переводчиком жестомимической речи глухонемого, неправильный ее перевод может привести к нарушению прав глухонемого на защиту. При наличии этих оснований подсудимый вправе заявить отвод переводчику и просить вызвать в суд в качестве переводчика другое лицо. Между тем судьи часто забывают разъяснить это право подсудимому.

Поскольку жестомимическая речь не укладывается ни в какие формы грамматики, то у глухонемых отмечается неправильное построение фраз, неправильное употребление местоимений. Жестикуляция не передает строй речи. Глухонемые не всегда разграничивают предмет и действие, предмет и признак. В языке жестов близкие по наглядной связи понятия (напри-

мер, оружие, пистолет, ружье) не дифференцируются. Вместе с тем смысловая неопределенность жестов приводит к тому, что один жест служит для показа не одного, а нескольких слов, близких по смыслу, а обозначить жестами каждое слово практически невозможно. В связи с этим нельзя требовать от переводчика дословного перевода показаний. Переводчику приходится расшифровывать информацию, закодированную в мимику и жесты, и делать специфический перевод словесной речи. К тому же, как отмечается в литературе, юридический язык является профессиональным языком и весьма сложен для понимания [45; 40; 30; 16; 25]. И от того, насколько точно переведет переводчик язык глухонемого, зависит точность показаний. Разумеется, стилистическая переработка языка мимики и жестов допускается только в пределах исправления неправильно построенных фраз, устранения повторений, жаргонных слов и т.п.

В ходе производства следственных и судебных действий с участием глухих, немых, глухонемых необходимо особенно тщательно соблюдать следующие правила и процедуры, основанные на психологических закономерностях:

1) если подозреваемый, обвиняемый, свидетель или потерпевший обучался в специальной школе и понимает общепринятые мимику и жесты глухонемых, то его надо допрашивать с помощью переводчика, способного точно передавать его мысли;

2) переводчик общается с немым, глухим, глухонемым с помощью мимики, жестов и дактилологии. В то же время он должен произносить вслух все то, что участник процесса объясняет ему во время допроса;

3) лица, присутствующие при допросе глухонемого (педагог, законный представитель, психолог), должны быть предупреждены о недопустимости передачи допрашиваемому путем мимики и жестов информации, которую тот может использовать в своих ответах;

4) если глухонемой хорошо читает и пишет, то он может с согласия дознавателя, следователя, прокурора или суда отвечать на вопросы письменно. По определению суда секретарь может записать на отдельном листе бумаги вопросы и ходатайства участников процесса и передать их глухонемому, который вправе изложить свои ответы или возражения в письменной или устной форме. Письменные ответы оглашаются в суде и приобщаются к делу. Однако переводчик во всех случаях должен присутствовать при допросе, чтобы обвиняемый в любой момент мог воспользоваться его помощью;

5) если глухой, немой, глухонемой неграмотен, не знает общепринятой жестомимической и дактильной речи, то следователь, суд вправе привлечь к участию в допросе лиц, могущих истолковать его знаки, мимику и жесты (толмачей), либо пригласить в качестве переводчиков сурдопедагогов, сурдопсихологов, которые могут объяснить особенности мимического словаря глухонемого, смысловое значение каждого индивидуального жеста.

Участие переводчика в деле вызывает необходимость оценивать и такие факторы, которые влияют на полноту, точность и правильность перевода. В частности, допрашивая глухих, немых, глухонемых, дознаватель, следователь, суд (судья) обязаны устранить все условия, отрицательно влияющие на правильный перевод показаний с помощью жестомимической или дактильной речи. Поэтому, чтобы переводчик и глухонемой правильно поняли друг друга, необходимо, на наш взгляд, соблюдать в ходе допроса следующие требования:

а) свет (естественный и искусственный) должен падать на лицо, руки обвиняемого, свидетеля, потерпевшего и переводчика, чтобы они могли хорошо видеть артикуляцию, мимику и жесты. Во время допроса они не должны курить, держать во рту или руках посторонние предметы;

б) глухонемой и переводчик должны находиться друг от друга на расстоянии одного-двух метров, а руки их должны быть обращены ладонями друг к другу, чтобы они видели движения пальцев. Это обеспечит точность и полноту показаний, полученных с помощью дактильной речи;

в) непонятные слова, фразы, юридические, медицинские и другие специальные термины, обобщенные понятия нужно повторять дважды, а если они плохо воспринимаются, то следует написать их, чтобы грамотный глухонемой мог прочитать либо заменить другим понятием;

г) делать паузы, перерывы, так как спустя 1,5 часа перевод мимики и жестов, особенно дактильной речи, быстро утомляет зрение, затормаживает волевые и мыслительные процессы, что неизбежно снижает качество перевода;

д) при постановке вопросов глухим, немым, глухонемым следует избегать сложноподчиненных и соподчиненных предложений, причастных и деепричастных оборотов, структура которых не позволяет точно и быстро переводить их на язык мимики и жестов.

Следует заметить, что строгое соблюдение этих правил для участвующего в допросе переводчика обязательно, ибо даже незначительное отступление от них осложняет понимание обращенной к глухонемому дактильной и жестомимической речи и сказывается на получении достоверных и полных показаний по всем обстоятельствам дела.

Результаты следственного действия, проведенного с участием переводчика, как и сам перевод, подлежат проверке и оценке в обычном порядке наряду с другими доказательствами (ст. 87 и 88 УПК РФ).

При наличии сомнений для проверки полноты и правильности показаний может быть осуществлен контрольный перевод полученных с участием переводчика показаний, зафиксированных с помощью видеозаписи, а также переведенных на другой язык в письменной форме. Для этих целей может быть использован и перевод материалов дела, осуществляемый при ознакомлении с ним кого-либо из участников процесса.

Следует также обратить внимание на опыт зарубежных стран в данной области, например Италии. Так, во Флоренции, в целях безопасности и оказания помощи людям, имеющим значительные физические отклонения, благотворительной организацией "Безопасный город" проводится программа по обучению сотрудников правоохранительных органов языку жестов. Начиная с ноября 2000 г., 10 полицейских, среди которых карабинеры, сотрудники финансовой и медицинской службы, в течение 8 месяцев изучают язык жестов, которыми пользуются для общения глухонемые. Таких людей во Флоренции насчитывается немало, примерно тысячная часть населения. Полицейским предстоит впоследствии стать собеседниками тех глухонемых, которые становятся беззащитно-безмолвными жертвами различных преступлений [32, с. 391–392].

Таким образом, недостаточная законодательная урегулированность вопроса о реализации принципа языка уголовного судопроизводства по уголовным делам в отношении немых, глухих и глухонемых в новом УПК РФ создает на практике

большие трудности. Поэтому законодатель должен обратить внимание на образовавшийся пробел в законодательстве и ликвидировать его путем внесения дополнений в УПК РФ и иные нормативные правовые акты в данной области.

4. ХАРАКТЕРИСТИКА БЛАНКОВ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Согласно действующему УПК РФ, процессуальные действия и решения оформляются на бланках процессуальных документов. Протокол следственного действия – это документ с записью всего происходящего при производстве следственного действия.

Протокол следственного действия служит документом, удостоверяющим факт проведения следственного действия. Он является наиболее универсальным и надежным средством закрепления хода и результатов следственного действия, способом фиксации выполнения того или иного требования закона (например, обязательного допроса подозреваемого, обвиняемого), в том числе и с участием переводчика.

Протоколы удостоверяют обстоятельства и факты, установленные при осмотре, освидетельствовании, выемке, обыске, задержании, предъявлении для опознания, следственном эксперименте. Протоколы составляются также при производстве допросов, очных ставок.

В протоколах следственных действий описываются фактические данные, на основе которых устанавливаются обстоятельства преступления. Фактические данные признаются доказательствами тогда, когда они, в частности, зафиксированы в соответствующем протоколе следственного действия.

Протоколы позволяют контролировать соблюдение процессуальных правил. По этим документам прокурор, судья и суд могут судить о законности и качестве проведенного предварительного следствия и дознания. Процессуальные документы по сути своей представляют собою "зеркало" процесса. Именно поэтому следует обращать особое внимание на порядок составления процессуальных документов досудебного и судебного производства, их оформление и содержание.

В судебно-следственной практике по разрешению уголовных дел, по которым участники процесса не владеют или владеют на недостаточном уровне, применяются бланки следующих процессуальных документов досудебного производства: Подписка о неразглашении данных предварительного расследования, Постановление о назначении переводчика, Подписка о предупреждении переводчика об уголовной ответственности за заведомо неправильный перевод, Протокол допроса свидетеля (потерпевшего) с участием переводчика.

В судебном производстве следует обратить внимание на такие процессуальные документы, как: Протокол судебного заседания, Постановление о выплате процессуальных издержек.

Кроме того, упоминание об участии переводчика содержится в целом ряде других процессуальных документов, например протоколе осмотра места происшествия; протоколе допроса потерпевшего и т.п.

Заинтересованным участникам уголовного процесса должно быть разъяснено их право бесплатно воспользоваться помощью переводчика – Протокол задержания подозреваемого; Протокол допроса подозреваемого; Постановление о признании потерпевшим и др.

Следует обратить внимание на то, что если в следственном действии участвует переводчик, то в протокол включаются дополнительные графы, предусмотренные Приложением 62 к ст. 476 УПК РФ.

При указании в данных судебных и следственных документах сведений о переводчике в некоторых из них (Протокол допроса свидетеля (потерпевшего) с участием переводчика) желательно указывать не только его процессуальное положение, фамилию, имя, отчество, но в необходимых случаях также и его адрес и другие данные о его личности, в том числе сведения о навыках владения им языком уголовного судопроизводства и его образовании.

Согласно п. 10 ст. 166 УПК РФ, протокол должен также содержать запись о разъяснении переводчику его прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия, которая удостоверяется его подписью.

В случае, если осуществлялись киносъемка, аудио- и видеозапись проведенных следственных действий (допрос, очная ставка и т.д.), то к протоколу прилагаются киноленты, фонограммы и видеозаписи, которые хранятся при уголовном деле. В случае отказа переводчика, участвующего в следственном действии, подписать протокол следователь вносит в него соответствующую запись, которая удостоверяется подписью следователя, а также подписями защитника, законного представителя или понятых, если они участвуют в следственном действии. Переводчику должна быть предоставлена возможность дать объяснение причин отказа, которое заносится в данный протокол (ст. 167 УПК РФ).

При необходимости в бланк можно вносить изменения, касающиеся наименования должности лица, использующего бланк, внесения в него дополнительных граф, строк, ссылок на статьи законов и т.п., если это не противоречит требованиям кодекса. Приведение подстрочного текста является необязательным.

Следует помнить, что, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении от 23 июня 2005 г. № 298-О, включенные в текст уголовно-процессуального закона бланки процессуальных документов досудебного и судебного производства, имея вспомогательное значение для оформления соответствующих процессуальных актов, не подменяют собой правовые нормы и не отменяют обязательность соблюдения следователем, прокурором или судом установленно-го нормами УПК порядка уголовного судопроизводства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В России, как и во всех других странах мира, принцип языка судопроизводства играет ключевую роль в установлении языковых контактов и отношений между участниками уголовного судопроизводства. Учитывая глобальные тенденции интернационализации преступности, криминальной миграции, увеличения числа международных организованных преступных сообществ, а также все более разнообразный национальный состав подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей и других участников процесса, значение принципа языка уголовного судопроизводства в будущем будет возрастать. Статья 18 УПК реализует конституционные положения, создает необходимую основу для языкового суверенитета личности, для реального осуществления каждым гражданином Российской Федерации права на пользование родным языком и на свободный выбор языка общения.

Действующий УПК РФ предусматривает достаточно важные и надежные гарантии реализации принципа языка уголовного судопроизводства. Это обязательное участие переводчика в случае, если один из участников процесса не владеет или в недостаточной мере владеет языком, на котором ведется процесс; вручение лицу, не владеющему языком, копий процессуальных документов, которые составлялись на предварительном следствии либо в суде; обязательное участие защитника по данной категории уголовных дел.

Существенные особенности наблюдаются в отношении реализации принципа языка уголовного судопроизводства с участием иностранцев и немых, глухих и глухонемых. В отношении первой категории лиц, как правило, участие переводчика является вещью обязательной. В случае, если иностранец к тому же обладает дипломатической неприкосновенностью, то само участие его в процессе может допускаться только с его согласия. Если в качестве участника процесса выступает лицо, которое вследствие физических недостатков не может говорить, то есть глухие, немые и глухонемые, то участие переводчика является попросту обязательным и необходимым. Часто в расследовании по уголовным делам с участием указанных лиц приходится прибегать к помощи специалистов либо лиц, которые ранее уже имели опыт общения с ними – так называемых толмачей.

Как показало исследование судебной-следственной практики, дознаватели, следователи, прокуроры или судьи часто допускают нарушение закона о языке уголовного судопроизводства. Это объясняется тем, что правоприменители часто не обладают необходимыми знаниями в данной сфере. И это не удивительно. Проблемы, связанные с языком уголовного судопроизводства и регулированием правом языковых отношений, вообще достаточно редко поднимаются в научной и учебной литературе. Остро недостает учебно-методических пособий собственно по правовым вопросам в данной сфере.

К чести отечественной юридической науки необходимо отметить, что в последнее время издан ряд работ по проблемам языковых взаимоотношений в суде [39]. Однако они по большей части носят процессуально-тактический и лингвистический характер и не затрагивают исследуемой авторами темы.

В целях соблюдения принципа языка уголовного судопроизводства необходимо разработать и провести мероприятия по следующим направлениям деятельности:

- организационно-управленческая деятельность;
- нормативно-правовое обеспечение;
- совершенствование работы по выявлению, профилактике, предупреждению, пресечению, и раскрытию преступлений;
- участие в международном сотрудничестве в данной области;
- научно-техническое развитие, внедрение технических средств;
- кадровое обеспечение и воспитание личного состава.

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о том, что положения, связанные с реализацией принципа национального языка судопроизводства (ст. 18, 59 УПК РФ), сформулированы применительно к стадии предварительного расследования и последующим этапам уголовного судопроизводства. Буквальное толкование закона не позволяет распространить действие рассматриваемого принципа на первоначальную стадию процесса – возбуждение уголовного дела. Между тем, на этом этапе может проводиться значительный круг процессуальных и непроцессуальных действий (осмотр места происшествия, истребование необходимых материалов, получение объяснений, медицинское освидетельствование и др.) по проверке информации о преступлении. При участии в проверочных действиях лица, не владеющего языком, на котором ведется судопроизводство, из-за существующего языкового барьера им не всегда может быть правильно оценено поведение должностных лиц, осуществляющих проверку, смысл и законность предпринимаемых мер. Это осложняется еще и тем, что законодатель не наделяет участников предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях правом пользоваться услугами переводчика.

Серьезным пробелом, по нашему мнению, является отсутствие в УПК Российской Федерации правила, согласно которому сообщение заявителю о принятом в стадии возбуждения уголовного дела решении должно быть сделано на языке, которым он пользовался. Представляется также целесообразным в случае отказа в возбуждении уголовного дела вручать пострадавшему копию соответствующего постановления в переводе на его родной язык. Это способствовало бы укреплению гарантий прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве, уважительному отношению к чувствам национального достоинства гражданина.

Вопрос о распространении принципа национального языка судопроизводства на стадию возбуждения уголовного дела поднимался в юридической литературе (М.А. Джафаркулиев, Т.Н. Добровольская и др.). Однако до настоящего времени эти предложения не были реализованы. Они оставлены без внимания и не нашли своего отражения в современном уголовно-процессуальном законодательстве.

В результате анализа изучения языковых правоотношений в сфере уголовно-процессуального права мы пришли к выводу, что данные отношения урегулированы не на должном уровне. Налицо наличие ряда пробелов, неточностей, неполноты

текста статей, касающихся принципа языка уголовного судопроизводства. Данными дефектами страдают как Уголовно-процессуальный кодекс РФ, принятый в 2001 г., так и специальные законы в данной сфере. Комплексный анализ показал, что в самое ближайшее время следует внести существенные дополнения и изменения в действующее законодательство с тем, чтобы оно полностью соответствовало международному праву и отвечало потребностям настоящего и будущего.

Таким образом, на современном этапе, в условиях резкого обострения чувства национального достоинства, влекущего возникновение на этой почве разномасштабных конфликтов и других нежелательных явлений, особую актуальность в уголовном судопроизводстве приобретает реализация принципа национального языка. Строгое соблюдение норм права, регламентирующих действие рассматриваемого принципа, деликатное отношение к участвующим в деле лицам, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, в значительной степени, на наш взгляд, может повлиять на предупреждение недовольств, устранение причин, усугубляющих конфликтные ситуации [38, с. 38].

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации от 12 дек. 1993 г. // Российская газета. – 1993. – № 197, 25 дек.
2. Всеобщая декларация прав человека от 10 дек. 1948 г. // Российская газета. – 1998, 10 дек.
3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 янв. 1993 г. // СЗ РФ. – 1995. – № 17. – Ст. 1472.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.
5. О языках народов Российской Федерации : закон Российской Федерации от 25 окт. 1991 г. № 1807-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 50, 12 дек. – Ст. 1740.
6. О гражданстве Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 22. – Ст. 2031.
7. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3032.
8. О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации : федер. закон от 20 авг. 2004 г. № 113-ФЗ // СЗ РФ. – 2004. – № 34. – Ст. 3528.
9. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного процесса : федер. закон от 20 авг. 2004 г. № 119-ФЗ // СЗ РФ. – 2004. – № 34. – Ст. 3534.
10. О государственном языке Российской Федерации : федер. закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ // СЗ РФ. – 2005. – № 23. – Ст. 2199.
11. Об утверждении инструкции о порядке и размерах возмещения расходов и выплаты вознаграждения лицам в связи с их вызовом в органы дознания, предварительного следствия, прокуратуру или в суд (кроме Конституционного Суда Российской Федерации и арбитражного суда) : постановление СМ РСФСР от 14 июля 1990 г. № 245 // СП РСФСР. – 1990. – № 18. – Ст. 132.
12. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25 мая 1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – № 20–21. – Ст. 230.
13. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 окт. 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.
14. Криминалистика : учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская ; под ред. Заслуженного деятеля науки РФ, проф. Р.С. Белкина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2006. – 992 с.
15. Баев, М.О. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Прокурорская тактика. Адвокатская тактика : научно-практическое пособие / М.О. Баев, О.Я. Баев. – М. : Экзамен, 2005. – 320 с.
16. Барабашева, Н.С. Слова, слова, слова... (Лексика наших правовых актов) / Н.С. Барабашева // Советское государство и право. – 1990. – № 8. – С. 82 – 90.
17. Бастрыкин, А. Особенности допроса иностранных граждан на предварительном следствии / А. Бастрыкин, О. Александрова // Законность. – 2004. – № 3. – С. 30 – 32.
18. Бастрыкин, А.И. Уголовные дела с участием иностранцев. Вопросы тактики, организации и методики расследования / А.И. Бастрыкин, О.И. Александрова. – СПб. : Европейский дом, 2003. – 367 с.
19. Безлепкии, Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Б.Т. Безлепкии. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби, 2004. – 944 с.
20. Бердашкевич, А. Русский язык как объект правоотношений / А. Бердашкевич // Российская юстиция. – 2000. – № 4. – С. 28–29.
21. Бозров, В. Об участии переводчика в суде / В. Бозров, В. Кобяков // Советская юстиция. – 1993. – № 8. – С. 14.
22. Бородинов, В. Нарушение принципов уголовного процесса – основание отмены приговора / В. Бородинов // Российская юстиция. – 2002. – № 8. – С. 24.
23. Быков, В. Принципы уголовного процесса по Конституции РФ 1993 года / В. Быков // Российская юстиция. – 1994. – № 8. – С. 8–9.
24. Васильева-Кардашевская, Л.Л. Конституционный принцип национального языка и его реализация в досудебных стадиях уголовного процесса : дисс. ... канд. юрид. наук / Л.Л. Васильева-Кардашевская. – М., 2002.
25. Володина, С. Справедливость не может быть косноязычной: К вопросу о возрождении судебной риторики в России / С. Володина // Российская юстиция. – 2002. – № 9. – С. 68–69.
26. Громов, Н.А. Принципы уголовного процесса, их понятие и система / Н.А. Громов, В.В. Николайченко // Государство и право. – 1997. – № 7. – С. 33 – 40.
27. Губаева, Т. "...Всяк сущий в ней язык..." / Т. Губаева // Советская юстиция. – 1993. – № 5. – С. 21–22.
28. Добровольская, Т.Н. Принципы советского уголовного процесса (Вопросы теории и практики) / Т.Н. Добровольская. – М. : Юридическая литература, 1971. – 199 с.
29. Зажицкий, В.И. Правовые принципы в законодательстве Российской Федерации / В.И. Зажицкий // Государство и право. – 1996. – № 11. – С. 92 – 98.
30. Ивакина, Н. Русский язык российского права / Н. Ивакина // Российская юстиция. – 2000. – № 7. – С. 26 – 28.
31. Калашников, С.В. Система конституционных гарантий обеспечения прав и свобод граждан в условиях формирования в России гражданского общества / С.В. Калашников // Государство и право. – 2002. – № 10. – С. 17 – 25.
32. Кобец, Б.Н. Особенности предупреждения преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в России / Б.Н. Кобец. – М. : Экзамен, 2006. – 511 с.
33. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. и науч. ред. д.ю.н., проф. А.Я. Сухарева. – 2-е изд., перераб. – М. : Норма, 2004. – 1104 с.
34. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. В.И. Радченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юстицинформ, 2004. – 679 с.

35. Кочетков, В. Рассмотрение уголовных дел с участием переводчика / В. Кочетков, В. Назаров // Советская юстиция. – 1975. – № 5. – С. 17–18.
36. Кудрявцева, А.В. О понятии принципа в уголовном процессе / А.В. Кудрявцева, Ю.Д. Лившиц // Известия вузов. Правоведение. – 2001. – № 4. – С. 162 – 170.
37. Курс советского уголовного процесса: Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. – М. : Юридическая литература, 1989. – 640 с.
38. Марфицин, П.Г. Обеспечение прав личности и реализация принципа национального языка судопроизводства / П.Г. Марфицин // Межнациональные конфликты: место и роль органов внутренних дел в межнациональных конфликтах : материалы конф. – М. : Академия МВД РФ, 1992. – С. 37–38.
39. Мельник, В.В. Судебная речь государственного обвинителя : метод. пособие / В.В. Мельник, Н.Ю. Решетова. – М. : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 2003. – 247 с.
40. Милославская, Д. Трудности семантической интерпретации юридического текста / Д. Милославская // Российская юстиция. – 2000. – № 3. – С. 45 – 47.
41. Петрухин, И. Принцип национального языка в советском уголовном процессе / И. Петрухин // Социалистическая законность. – 1972. – № 2. – С. 56 – 59.
42. Проценко, В. Критерий систематизации принципов уголовного судопроизводства / В. Проценко // Российская юстиция. – 2005. – № 1–2. – С. 88.
43. Савицкий, М.Я. К вопросу о системе принципов советского уголовного процесса / М.Я. Савицкий // Советское государство и право. – 1950. – № 1. – С. 45 – 56.
44. Смирнов, А.В. Уголовный процесс : учебник для вузов / под общ. ред. А.В. Смирнова. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2005. – 699 с.
45. Спаль, А. "...казнить нельзя помиловать..." / А. Спаль // Советская юстиция. – 1990. – № 11. – С. 30–31.
46. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. – М. : Юристъ, 2005. – 815 с.
47. Фирсова, А. Работе переводчиков в судопроизводстве – организационную базу / А. Фирсова, М. Джафаркулиев // Социалистическая законность. – 1972. – № 2. – С. 60–61.
48. Хрестоматия по уголовному процессу России : учебное пособие / авт.-сост. проф. Э.Ф. Куцова. – М. : Городец, 1999. – 272 с.
49. Щерба, С. Переводчик глухонемых в уголовном процессе / С. Щерба // Советская юстиция. – 1979. – № 12. – С. 14–15.
50. Щерба, С.П. Переводчик в российском уголовном процессе : научно-практическое пособие / С.П. Щерба. – М. : Экзамен, 2005. – 416 с.
51. Щерба, С. Психологические особенности допроса обвиняемых, страдающих физическими недостатками / С. Щерба // Социалистическая законность. – 1971. – № 4. – С. 57 – 59.
52. Щерба, С.П. Теоретические основы и особенности уголовного судопроизводства по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками : дисс. ... д-ра юрид. наук / С.П. Щерба. – М., 1990.
53. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по жалобе гражданина Исламова Лечи Сераевича на нарушение его конституционных прав п. 4 и 5 ч. 1 ст. 17 и ст. 18 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" от 7 апр. 2002 № 276-О // Российская газета. – 2002, 28 февр.
54. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 окт. 1995 г. № 8 // Российская газета. – 1995, 28 дек.
55. Обвинительное заключение является следственным документом и поэтому следственные органы должны обеспечить его перевод на родной язык обвиняемого // БВС РСФСР. – 1971. – № 9. – С. 9.
56. Необеспечение подсудимому перевода показаний свидетелей, данных в судебном заседании, является существенным нарушением уголовно-процессуального закона и влечет отмену приговора // БВС РСФСР. – 1974. – № 10. – С. 2.
57. Необеспечение полного перевода материалов предварительного и судебного следствия на родной язык обвиняемого, не владеющего языком, на котором ведется судопроизводство, повлекло отмену приговора // БВС РСФСР. – 1974. – № 10. – С. 12.
58. Проведение предварительного следствия или судебного разбирательства без участия переводчика, если обвиняемый (подсудимый) не владеет или недостаточно владеет языком, на котором ведется судопроизводство, повлекло за собой отмену приговора // БВС РСФСР. – 1984. – № 7. – С. 10.
59. Неучастие по уголовному делу защитника привело к отмене приговора // БВС РСФСР. – 1988. – № 12. – С. 11.
60. Неучастие в деле переводчика повлекло отмену приговора // БВС РСФСР. – 1989. – № 8. – С. 4–5.
61. В соответствии со ст. 17 УПК РСФСР обвиняемому, не владеющему языком, на котором составлены следственные документы, обеспечивается право пользоваться услугами переводчика или эти документы вручаются ему в переводе на его родной язык или на другой язык, которым он владеет // БВС РСФСР. – 1991. – № 5. – С. 5.
62. Участвующим в деле лицам, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, обеспечивается право давать показания, выступать в суде на родном языке и пользоваться услугами переводчика // БВС РФ. – 1993. – № 4. – С. 11.
63. Кассационная инстанция не установила по делу нарушения требований ст. 17 УПК РСФСР // БВС РФ. – 1993. – № 7. – С. 15–16.
64. Признано необоснованным возвращение судом дела на дополнительное расследование для выполнения требований ст. 17 УПК РСФСР в отношении лица, длительное время проживающего на территории России, владевшего русским языком и не заявлявшего на следствии ходатайства об обеспечении его переводчиком // БВС РФ. – 1995. – № 8. – С. 11.
65. Нарушение требований ст. 151 УПК РСФСР к составлению протокола допроса обвиняемого с участием переводчика повлекло направление дела на дополнительное расследование // БВС РФ. – 1997. – № 11. – С. 13 – 17.

66. Нарушение следователем требований ст. 201 – 203 УПК РСФСР является основанием к направлению дела на дополнительное расследование // БВС РФ. – 2001. – № 6. – С. 16.

67. Отмена определений и постановлений о возвращении уголовного дела прокурору // БВС РФ. – 2003. – № 8. – С. 22–23.

68. Проект Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, подготовлен ВНИИ по проблемам укрепления законности и правопорядка Прокуратуры СССР // Социалистическая законность. – 1990. – № 3. – С. 34 – 46.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. ПОНЯТИЕ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	7
2. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДО- ПРОИЗВОДСТВА	22
2.1. Правовой статус, полномочия и порядок участия пере- водчика в производстве следственных и судебных дей- ствий	22
2.2. Обязательное вручение следственных и судебных доку- ментов участникам процесса на языке, которым они владеют	34
2.3. Обязательное участие защитника в уголовном процессе по делам в отношении лиц, не владеющих или недоста- точно владеющих языком уголовного судопроизводства	43
3. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГО- ЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С УЧАСТИЕМ ОТДЕЛЬ- НЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ	48
3.1. Особенности реализации принципа языка уголовного судопроизводства по уголовным делам с участием ино- странных	48
3.2. Особенности реализации принципа языка уголовного судопроизводства по уголовным делам с участием глу- хих, немых и глухонемых	57
4. ХАРАКТЕРИСТИКА БЛАНКОВ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДО- КУМЕНТОВ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИН- ЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	65
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	67
СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	70